

АЛЕНА ЖУКОВА

ТАЙНЫЙ ЗНАК

РИПОЛ КЛАССИК

СМОТРИТЕ
МНОГОСЕРИЙНЫЙ
ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ
ФИЛЬМ

Алёна Жукова

Тайный знак

«РИПОЛ Классик»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Жукова А. Г.

Тайный знак / А. Г. Жукова — «РИПОЛ Классик», 2016

ISBN 978-5-386-08913-9

Роман Алены Жуковой, лонг-листера «Русской премии», повествует о том, как неожиданным образом четыре поколения одной семьи оказываются вовлеченными в разгадку тайны древней книги-предсказания о судьбе России. Эта книга – клад, найденный перед Великой Отечественной войной в одном из русских сел, книга-оберег связана с судьбой Андрея Меньшого и Василия Темного, Бориса Годунова и Ивана Грозного, Алексея Михайловича и Елизаветы Петровны, Екатерины Великой и других. Преодолевая испытания, спасая и прощая друг друга, члены семьи Степановых раскроют тайну этого клада, а также секрет трагической любви первого русского царя из династии Романовых, Михаила Федоровича...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-386-08913-9

© Жукова А. Г., 2016
© РИПОЛ Классик, 2016

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	17
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Алена Жукова

Тайный знак

*Просило сердце: «Поучи хоть раз!»
Я начал с азбуки: «Запомни – “Аз”».
И слышу: «Хватит! Все в начальном слоге,
А дальше – беглый, вечный пересказ».*

Рубаи. Омар Хайам (Перевод Н.Тенигиной)

*Автор книги благодарит доктора и литератора ЕЛЕНУ
МЕЛЬНИКОВУ за идею и участие. Без ее неоценимой помощи эта
книга никогда не была бы написана*

© Жукова А., текст, 2016

© Колесова У. А., художественное оформление, 2016

© Издание. Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»,
2016

Глава первая

Стрелки на циферблате сошлись в верхней точке и превратились в подобие копья. Сейчас секундная, самая тоненькая, отделится, шагнет вперед и начнется новый день. В ожидании короткой судороги, разлепляющей стрелки, Михаил Александрович Степанов затаил дыхание. Иногда ему казалось, что усилием воли он может остановить время или хотя бы поторопить. По крайней мере, то, свое, которое не движется линейно, а представляется ему чем-то вроде кругов на воде. Камешек настоящего – это возмутитель пространства, разгоняющий волны по обе стороны временной координаты. Вчерашний день, который секунду назад назывался сегодняшним, подбросил ему, Михаилу Александровичу Степанову, уполномоченному Наркомстроя по делам машиностроения в Москве и Московской области, такой камень, который может поднять большую волну, если не усмирить в себе ребяческую страсть к разгадыванию исторических ребусов и одержимость кладоискательством.

Конечно, не будь в его тщательно скрываемом прошлом дворянского воспитания, подразумевающего, кроме общей эрудиции, доскональное знание истории своего рода, то он, наверное, остался бы глух ко всему тому, что так небезопасно сегодня. Он хорошо помнил, как входил в отцовский кабинет, заставленный от пола до потолка книгами, и ему становилось страшно от мысли, что шкафы могут рухнуть под их тяжестью. Снимая с полки увесистый том, страницы которого были исписаны именами и фамилиями, напоминая муравейник в разрезе, он всякий раз боялся уронить его на ногу. Чтение этой книги было обязательным и ежедневным, как «Отче наш». Никакого интереса к ней он не испытывал, но, не смея нарушить приказ отца, изучал хитросплетения ветвей родового древа, в который раз удивляясь тому, что в корне его значится человек с нерусским именем – Христофор Граве. Единственной заслугой этого Христофора Граве была верная служба царю Петру Великому, за что он и был обласкательствован графским титулом. Михаил Александрович частенько слышал от отца, что предков своих надо знать до седьмого колена, и удивлялся, почему в книге ничего не сказано о родителях этого Христофора, приплывшего в Россию из Голландии. И куда же делись сведения о его предках? Позже он догадался: Христофорова родня была из мастеровых, а генеалогическое древо славного семейства Граве должно было непременно произрастать из дворянского корешка. Что же до маминого родового «муравейника», то его корни уходили чуть ли не во времена Ивана Грозного. Запомнить, кто кому и кем приходился, Михаил Александрович никак не мог. Отец не торопил и терпеливо экзаменовал на знание матримониальных связей графских семейств, но Михаил всячески увиливал от скучной зубрежки.

«На этих полках, – сказал однажды граф, вручая сыну медный ключ, – то, что я сам читал в твои годы. Запомни, нет ничего увлекательнее книг по истории. В них полно загадок и тайн. Рождение каждого человека – это звено в череде событий, произошедших не только в недавнем, но и в далеком прошлом. Но пока советую начать с приключений: вот Рим и восстание Спартака; тут Франция и мушкетеры; это мифы Древней Греции, а вот эта книга о пиратах... С чего хочешь начать?»

Михаил Александрович улыбнулся своим мыслям – конечно, он попросил тогда книгу о пиратах и прочел ее, не выпуская из рук, за два дня. Потом ему казалось, что непременно где-то в подвалах их усадьбы или в саду зарыты несметные сокровища, а прадедушки с прабабушками носились по морям и океанам под флагом Веселого Роджера. Отец, шутя, подбрасывал «тайные» карты и письма с головоломками, как и где следует искать клад. Время от времени что-то обязательно находилось, например сундук с обломками сервиза и старыми ложками, а однажды нашелся ящик, наполненный доверху медными кружочками, напоминающими монетки. Когда находка была предъявлена отцу, тот улыбнулся и завел разговор, который врезался Михаилу в память на всю жизнь.

- Ты уже думал, кем ты хочешь стать, когда вырастешь?
- Да, я буду путешественником и кладоискателем.
- Замечательно, а знаешь ли ты, что это за медные кружочки в сундуке?
- Пиратские деньги.

– Нет, дорогой мой, это не деньги, это дело, которому служили многие поколения нашей семьи. И есть один секрет, который я тебе обязан передать.

При слове «секрет» Михаил замер, приготовившись узнать что-то необычное, но вместо этого услышал скучную историю про то, что все мужчины в их роду, начиная от Христофора, были кораблестроителями, а отец еще и владельцем заводов – единственным поставщиком медных иллюминаторов и поручней, серебряной и мельхиоровой посуды для судов императорского флота. Медные пуговицы из сундука – отходы производства. Он чуть не заплакал тогда. Но отец успокоил и сказал, что Господь заповедовал человеку трудиться в поте лица своего, но трудиться можно по-разному. Секрет, собственно, и состоит в том, что любое дело таит в себе загадку, как сделать его еще лучше. Это даже интереснее поисков клада: клад нашел – и твой путь закончен, а в любимом деле поиск бесконечен.

Вскоре они вместе колесили по стране, бывали на верфях Николаева, в портах Херсона, Одессы и даже удостоились императорского приглашения в Санкт-Петербург после спуска на воду нового эсминца. Император Николай II разговаривал с ними как с близкими друзьями, жал руку отцу и гладил крестника-тезку (да-да, не удивляйтесь) по непокорным вихрам. Уже сорок ему, но до сих пор волосы на макушке растут торчком. «Царской милостью», – шутил про себя Михаил. Посторонним про царского тезку знать было нельзя. Честно говоря, многое из того, о чем он думает, скорее всего, умрет вместе с ним, как и то, что на одном из петербургских кладбищ покоится прах дворянина Николая Игнатьевича Граве – студента Санкт-Петербургского университета, а Михаил Александрович Степанов, матрос Балтийского флота, здравствует и поныне, пройдя Гражданскую, закончив с медалью Московский политехнический, став главным инженером, членом ВКП (б) и работником Наркомстроя.

На самом деле прах матроса Михайлы Степанова давно истлел, но когда-то его пьяная удаля и классовая ненависть помогли Николаю Граве, наследнику графского титула, выжить в пучине террора. Дело было в январе 1918 года, когда в Петрограде тысячи людей вышли в поддержку всенародно избранного Учредительного собрания. Матросы их расстреливали с крыш, а по улицам шерстили вооруженные патрули, избивая и грабя «классово чуждых элементов». Угрожая наганом, Михайло чуть не вышиб мозги студенту, обобрав того до нитки, присвоив кошелек и документы. Переодевшись в «барские одёжи», он так торопился слиться с места преступления, что забыл возле бездыханного, как ему казалось, тела свой рваный бушлат с бумагой, удостоверяющей личность. Придя в себя, студент обнаружил, что лишился знатной фамилии, но приобрел нечто более ценное в революционной ситуации – охранную грамоту пролетарского происхождения. С ней он и вступил в новую жизнь.

– Но если бы не ты, Маша, – прошептал Михаил, глядя на портрет в черной раме, втянувший, казалось, через приоткрытые ставни свет полной луны, – то кто знает, как бы все обернулось.

Женщина на портрете была круглолица, курноса, на груди у нее лежала толстая светлая коса, перевязанная муаровым бантом. Не разругался бы он с маман из-за ее надменности и дворянского гонора: «Да у нас кухарка и то породистей твоей Маши будет! Родни постыдись!», не ушел бы тогда из дому, лишенный родительского благословения и помощи, бежал бы в двадцатом с родителями и сестрой от большевиков, уплыл бы в Константинополь на пароходе с отцовскими иллюминаторами. Но тогда, после Февральской революции, назад в «дворянское гнездо» не хотелось, противно было. И матроса Мишку он простил за его «пролетарский гнев». Хотел даже документы вернуть, но тот как в воду канул. Похоже, его

самого убили, а как иначе объяснить запись в кладбищенской книге о некоем Н. И. Граве, 1899 года рождения, похороненном в общей могиле в январе 1918 года.

– Эх, Машенька, ни о чем не жалею, только о том, что ушла ты в мир иной вместе с нашим первенцем. И знаешь, из головы не идут злые слова материнские: «Потомство ваше прокляну, через него и погибнете...» Ну, ты уж прости ее, как я простил. Долго мы с тобой этого ребеночка ждали, а оно вот как вышло.

Михаил Александрович закурил и прислушался к звукам коммунальной квартиры, в которой проживал уже больше десяти лет на площади не полных семнадцати квадратных метров. Ему, как ценному специалисту, давно предлагали отдельную квартиру в ведомственном доме, но представить себя без соседей – без деда Егора и старух-близняшек Прокофьевых – уже не мог. Да и зачем – тут хоть есть с кем словом перемолвиться. Теперь, после смерти Маши, они его семья. Вместе хоронили ее, вместе горевали. Шумные они, правда, и скандалят между собой по десять раз на день. Уже далеко за полночь, а все не уймονται. Скорее бы. Не хочется лишних глаз и вопросов, куда это он собрался на ночь глядя с мешком за плечами.

Михаил Александрович еще раз взглянул на часы, подумал, что если через полчаса он не выйдет из дому, а через час не окажется на Ярославском вокзале, переименованном теперь в Северный, то не успеет управиться за ночь. Утром, в шесть тридцать, заедет его шофер Шурик, и к тому времени надо решить, стоит ли ехать с докладом наверх, хлопотать о переносе строительства цеха в Мытищах, где предполагалось делать метровагоны нового типа, на другой участок. Либо – напрямик на стройку, но для этого надо самому убедиться в том, что археологам там делать нечего.

Он услышал, как хлопнула дверь у сестер, как дед Егор захрапел за стеной, и встал с кровати. Пока укладывал в мешок фонарик, веревку, лопату с коротким черенком, в голове прокручивалось вчерашнее. Приехал на объект в конце дня. Большой котлован и высокий земельный террикон рядом уже обозначили место будущего цеха. Рабочие разошлись, только внутри ограждения стоял одинокий экскаватор. Натянув сапоги вместо ботинок, он выбрался из служебной «эмки» и стал осторожно спускаться на дно котлована, стараясь ставить ногу так, чтобы песок не засыпался за голенище. В конце концов он просто прыгнул на дно и, зацепившись носком, упал. А когда стал разглядывать, обо что зацепился, обомлел – в склоне, метров на пять ниже верхней кромки земли, виднелся край сводчатой кирпичной кладки. Сунул руку под камни – пустота. Когда немного разгрел, догадался, что это подземный ход, но войти не решился, а, наоборот, забросал землей, чтобы в глаза не бросалось, и решил, как стемнеет, вернуться.

Первая мысль была, что этот провал – остатки водопровода петровских времен. Археологи предупреждали, что такая находка возможна. Вспомнились также легенды о подземном дворце, кладовые которого заполнены золотом и серебром, о подземном ходе от Кремля до села Тайнинское, который прокопали во времена Ивана Грозного. Все это, скорее всего, сказки, но он должен войти первым и посмотреть, куда этот ход ведет. Странно другое, прежде чем начинать строительство, полагалось получить добро у археологов. Но они, видимо, тоже этим сказкам не верят. Как бы там ни было, надо еще раз документацию проверить. Ведь, если под землей пустоты большие, цех лучше в другом месте поставить. Плохо, конечно, время потеряем. Зимой тяжело будет, а рапортовать о сдаче хотели ко дню рождения Кагановича.

Стоп, а если там найдут его следы? Если выяснится, что вчера не доложил, а сам полез, что тогда? Тогда – крышка, подсудное дело. А, плевать... Надо замести следы внутри хода, а снаружи не страшно. Где веник? Нет, глупость. Лучше боты дачные надеть, они на пару размеров больше. Доложить можно завтра утром, а вот зайдет в подземелье он первый. Кто

знает, вдруг после доклада решат этот ход завалить? Тем, наверху, главное план не сорвать, а про историю – так она ж царская...

Доехав на электричке до села Тайнинское, Михаил пошел в сторону стройки, досадуя на полнолуние. На улице было светло как днем, но повезло – по дороге он никого не встретил и надеялся, что остался незамеченным. Охрану на объекте еще не выставили, хотя были заграждения.

Спустившись на дно котлована, он вынул из мешка фонарь, финский нож и стамеску. Лопата не пригодилась – почва осела, полностью оголив вход. Михаил пригнулся и ступил в темноту. Могильный холод и сырость мгновенно сковали тело, сердце учащенно забилося. Луч фонаря то и дело выхватывал из темноты фрагменты полуразрушенной кладки. Кучами лежали камни. Продвигаться приходилось с большим трудом, обходя завалы. Коридор петлял и раздваивался. Левый рукав оказался уже, и он решил идти по правой стороне. Примерно метров через сто стало тяжело дышать. Вдруг свет фонаря ударил рикошетом по глазам, напоровшись на блестящее пятно в стене. Михаил присмотрелся и обнаружил в кладке углубление, похожее на нишу. Там стоял заваленный камнями металлический сундук. Сердце, и без того прыгающее в груди, понеслось галопом. Он протянул руку и попытался вынуть ящик, но тот не поддавался, словно был приклеен намертво. Попытка расшатать его и оторвать от стены не удалась, кроме того что упало несколько камней, а чуть позже раздался какой-то странный шум, словно где-то прокатилась громадная волна. По стенам и потолку зазмеились трещины. Сознание предостерегало: «Спасайся, беги! Это обвал!», но еще громче в нем вопил безрассудный мальчишка: «Это клад! Настоящий клад! Открой сундук!»

Забыв об опасности, Михаил взломал стамеской замок. Сундук казался пустым. Чтобы в этом убедиться, он запустил руку на самое дно и неожиданно нащупал какой-то сверток. Вынув его, развернул полусгнившую ткань. Внутри оказалась книга. Рассмотреть больше не удалось, так как прямо на голову посыпались камни. Прикрываясь находкой, Михаил бежал к выходу. За спиной грохотало. Потеряв фонарь, он не был уверен, что случайно не свернул в боковой проход. Если так, то живым отсюда не выбраться. Теперь он двигался наощупь в кромешной темноте. Прошла целая вечность, прежде чем впереди замаячили неровные очертания арки, освещенные лунным светом. Теперь этот свет вызвал не тревогу, а радость. Стало ясно, что с пути он не сбился.

Буквально за секунду до конца приключения, почти у выхода, с потолка сыпануло песком, и обвалившаяся стена опрокинула Михаила навзничь. Перехватило дыхание. Так, не дыша, он пролежал неизвестно сколько. Грохот прекратился. Михаил попробовал пошевелиться. Удалось повернуть голову и вздохнуть. Правая рука застряла глубоко под завалом, придавленная камнем. Он заставил себя поработать пальцами, и они нащупали что-то гладкое. Ухватившись, он потянул на себя и как-то неожиданно легко выдернул из-под камней книгу. Это движение помогло ослабить груз песка и камней. Напрягшись, он высвободил вторую руку и ноги. Удивительно, что, пока бежал, книгу он не потерял.

Михаил выполз из подземелья и скатился по склону котлована на дно. За спиной грохотал камнепад. Не в силах подняться, он долго лежал на земле, глядя в небо, на котором плоская, похожая на засаленный серебряный пятак луна затягивалась тяжелыми облаками. Мешок валялся рядом. Сунув в него книгу, он посмотрел на заваленный вход. Каменная кладка покорежилась – теперь туда могла проползти разве что мышь. Ну и хорошо, подумал Михаил, следов уже не найдут, зря боты надевал.

Домой он вернулся к утру, за полчаса до приезда Шурика. Длинный г-образный коридор был темен. По спине пробежал холодок: как в подземелье вошел. Нащупал выключа-

тель. Пятнадцативаттная лампочка, вкрученная экономными соседями, мало чем помогла. Он проскочил мимо кухни, в которой уже басила одна из Прокофьевых: «Ну, когда же закипит этот чертов чайник...»

Закрыв на задвижку дверь, Михаил вынул книгу из мешка. Размером она была чуть больше тетради и толщины небольшой, но очень уж увесиста для такого формата. На каждом переплете выбито тиснение в форме круглой печати размером с блюдце. От печати расходились зубчатые лучи. Страницы плотной и на удивление хорошо сохранившейся бумаги густо покрывали буквы ржаво-коричневого цвета. На какое-то мгновение ему пришла в голову мысль, что это и не бумага вовсе, а материал совершенно непонятного происхождения – слишком уж гладким и белым казался. Прочесть ничего не удалось – язык книги был непонятен. В корешке переплета он заметил тонкую палочку на шнурке, вроде огрызка карандаша. Времени особо разглядывать не осталось – с минуты на минуту мог появиться Шурик. То, что они сейчас поедут на стройку, решено железно: если его фонарь найдут, лишних вопросов не избежать.

На объекте люди с утра обсуждали внештатную ситуацию: экскаваторщик Макарыч заметил в котловане нору, думал, зверь какой прорыл, но похоже, человеческих рук это дело. Пройти внутрь невозможно – все завалено.

Михаил спустился в котлован и подошел к подземному ходу, который этой ночью мог стать его могилой. Еще раз выслушав от Макарыча историю обнаружения дыры, он подумал, что самое правильное решение – остановить стройку и рапортовать наверх, добиваясь повторной ландшафтной экспертизы. Но прежде надо все вокруг осмотреть, нет ли где фонаря.

Макарыч сел в кабину экскаватора и дал задний ход, чтобы отогнать машину от края котлована. В голове Михаила пронеслось: «Если там, внизу, своды обрушились, то сейчас все провалится под землю – и люди, и техника. Надо срочно всем отойти подальше, а лучше вообще уйти с объекта». Но времени додумать, а тем более отдать распоряжение не оказалось. Экскаватор уже начал заваливаться задом в пролом, открывшийся в метре от Михаила. Люди с криками и руганью стали отбегать, а Макарыч изо всех сил пытался удержать технику, скребя ковшом по земле. «Бросай к черту, прыгай!» – закричал Михаил, но экскаваторщика как парализовало – он вцепился в рычаги и выпученными глазами смотрел на уходящую из-под гусениц землю. Михаил вскочил на дверцу машины и, обхватив Макарыча, потряхнул хорошенько, чтобы вывести из ступора. Оба выпрыгнули в последний момент, когда экскаватор с грохотом провалился в котлован, застряв в дыре боком. Главный инженер строительства и парторг стояли с вытянутыми лицами, понимая, чем это может для них обернуться. Цех должен заработать ко дню рождения основателя Московского метрополитена товарища Кагановича, а срыв сроков будет расценен как саботаж.

Первое, что пришло в голову Михаилу: если бы этой ночью он не полез под землю и своей неосторожностью не вызвал разрушение каменного свода, то аварии можно было избежать. Значит, во всем его вина. Но главное – Макарыч жив и есть очевидное подтверждение того, что продолжать тут строительство нельзя, а фонарик его уже вряд ли кто найдет в этом месиве. Жаль только, что тайный ход, скорее всего, просто замуруют, даже не выяснив, куда он ведет. Сейчас он поедет в Наркомстрой и будет настаивать на проведении археологических раскопок.

Бессонная ночь дала о себе знать. Весь день Михаил ходил как пришибленный, а вечером еле дошел до кровати. Свалился в нее и заснул как убитый, напрочь забыв о своих планах полистать найденную книгу.

Ближе к рассвету он проснулся от приснившегося кошмара. Во сне, проваливаясь под землю, он никак не мог зацепиться за острые камни, которые под пальцами превращались в громадных пауков. Их насылала на него старуха в черном монашеском одеянии. Старуха в гневе вздымала руки к небу, разевая рот, но в страшном грохоте камнепада слов было не разобрать.

Пытаясь отогнать от себя сон, Михаил встал и, напившись воды из графина, вернулся в постель, задев этажерку в полумраке. Сразу вспомнил, что вчера оставил книгу на полке. Отругав себя за потерю бдительности, он опять поднялся с кровати: соседям можно доверять, но времена настали поганые, даже самые крепкие люди ломаются. Спать расхотелось. Вынув книгу, он отметил, что на ней ни царапины, хотя попала под камнепад.

Крепкую, однако, кожу делали, подумал он, а вот когда делали, догадаться не смог. Тут знаток нужен, ученый. То, что книга древняя, это понятно. Похоже, рукописная, значит, появилась еще до середины XVI века. Но и тут уверенности на все сто нет: даже с изобретением книгопечатания монахи продолжали переписывать священные тексты от руки, это у них было вроде послушания. А вдруг она из библиотеки Ивана Грозного, которая, если верить легенде, прячется где-то под землей до сих пор? Надо бы покумекать, как специалистам показать, не вызвав подозрения. И что, интересно, означают эти сплошные закорюки, а палочка на шнурке в книгу зачем вложена? Дивная такая палочка – вроде как из кости, а может, и из металла. На стрелку часов похожа, только вся сплошь значками покрыта, вроде тех, что в книге.

Михаил вертел в руках странный предмет и чуть было не выронил из рук, когда острый наконечник в форме треугольника неожиданно отогнулся, открыв полое пространство внутри. Он потряс палочку над столом – ничего оттуда не выпало. Вернув наконечник на место, Михаил решил, что завтра же пойдет в Исторический музей и покажет находку, объяснив, что нашел ее, копаясь в огороде на даче.

Назавтра был выходной, но музей по воскресеньям работал. Бреясь, Михаил удивился, что на лице нет ни царапины после всех этих злоключений. Рассматривая себя в зеркале, он заметил, что все больше становится похожим на отца. На худом лице – их фамильный «дворянский» нос: небольшая горбинка и чуть «уточкой» на конце. Он надел костюм, макинтош и фетровую шляпу. Когда выходил из квартиры, напоролся на одну из сестер Прокофьевых. Та оглядела его со всех сторон и осталась довольна. Тайком перекрестила и пошаркала в кухню, решив, что идет он по важному делу: на свидание либо с дамой, либо – с высоким начальством, и осенить на дорожку не помешает.

Михаил добрался до Красной площади и зашел в Исторический музей с парадного входа. Там экскурсовод, молодая бойкая девушка, заканчивая экскурсию, отвечала на вопросы. Они, видимо, касались иконы, на которой был изображен паровоз. Экскурсовод объясняла, что икона написана в честь избавления Александра III и его семьи от смерти в железнодорожной катастрофе 17 октября 1888 года на станции Борки.

– Заметьте, – звонко комментировала она, – царская семья вся выжила, а среди обычных людей было много жертв. На иконе изображены только святые – покровители царской семьи, а где те, кто прислуживал царю и погиб, почему их нет? Мы знаем теперь, что поклонение иконам – суеверие. Раньше считалось, что икона может охранять и спасать. Великая Октябрьская социалистическая революция доказала, что все это мракобесие и сказки. Никакая икона не способна уберечь от чего бы то ни было, поскольку это просто доска с нанесенными на нее красками. И как мы прекрасно знаем, Романовым иконы не помогли – пусть в железнодорожной катастрофе они не погибли, зато революция смела их с лица земли.

Михаил решил, что к звонкоголосой девушке ему подходить не хочется. Он поискал глазами служебный вход, а потом решил, что самым правильным будет узнать у вахтера,

как поступают в случае находки предмета, имеющего, возможно, историческую ценность, а также к кому обратиться с таким вопросом.

Пожилой вахтер сдвинул на лоб очки, не дочитав передовицу в «Правде», и поднял глаза:

– Вам чего, товарищ?

– Я тут книгу принес, старинную. Хочу узнать, представляет ли она историческую ценность.

– Так вам к Настасье Николаевне надо.

– Как бы ее отыскать, не поможете?

– Дык, это дело серьезное, – важно ответил вахтер, вернул очки на нос, вдел ноги в подшитые серые валенки и поднял трубку большого черного аппарата: – Алё, Анастасия Николаевна, тут к вам гражданин с какой-то книгой старой. Пустить? Ага. Проходите, товарищ. Вот тут на второй этаж, а потом налево и по коридору до конца. – Старик, кряхтя, встал, чтобы показать куда идти.

В самом конце коридора дверь была открыта. Комната с большим столом посредине и множеством книг освещалась настольной лампой под абажуром. У стеллажа, спиной к двери, стояла миниатюрная женщина с русой косой, уложенной вокруг головы. Эта коса... Сердце Михаила ухнуло вниз: точь-в-точь как у его Марии, да и фигурой покойную жену напоминает. Женщина повернулась, и оказалось, что внешне она совсем не похожа на круглолицую, румяную Машу. На утонченном лице не было красок. Открытый высокий лоб, словно выточенный из слоновой кости, бледные щеки. Живыми казались только бирюзовые глаза, внимательно смотрящие из-под густых темных ресниц. «Такая понравилась бы матери», – подумал Михаил и удивился своим глупым мыслям. Но породу в этой женщине не заметить было трудно.

– Здравствуйте, я к вам. Вот, хотел проконсультироваться, Анастасия Николаевна. Нашел, знаете ли, на чердаке книгу среди хлама всякого дачного, – почему-то соврал он совсем не так, как собирался.

Она бережно приняла сверток и, положив на стол, развернула бумагу. Михаил наблюдал за ее реакцией. Природа наделила эту женщину тонкими, красивыми пальцами; они застыли на мгновение и явственно дрогнули в тот момент, когда книга предстала перед ее взором. Заметив палочку на шнурке, вложенную в корешок, она быстро захлопнула книгу. Волнуясь, завернула ее в бумагу и отдала Михаилу. А потом, отведя глаза, быстро проговорила:

– Находка ваша, товарищ, никакой исторической ценности не представляет. У нас весь подвал забит подобными книгами. Все это пережитки прошлого, религиозные тексты. Заберите, пожалуйста.

Михаил заметил, что она смотрит мимо него, куда-то в угол комнаты. Приглядевшись, он обнаружил, что в комнате они не одни: полная женщина в нарукавниках, ухватив с десяток книг, тащила тяжелую стопку к двери. Наконец она толкнула плечом дверь и вышла.

Анастасия Николаевна внимательно посмотрела Михаилу в глаза и, заметно нервничая, прошептала:

– Простите, если обижу, но вы сказали неправду. Вы никак не могли найти эту книгу на чердаке. Вы чего-то боитесь?

– Мне показалось, – улыбнулся Михаил, – что боитесь как раз вы.

– Возможно, но и у вас есть на то основания. Может, это покажется странным, но я вам верю именно потому, что вы врете.

Дверь за спиной Михаила распахнулась, и женщина в нарукавниках опять появилась в комнате.

Анастасия Николаевна поднесла палец к губам, вырвала из настольного календаря листок и стала торопливо писать каллиграфическим почерком. «Книгу никому не показывайте! Очень вас прошу, подойдите вечером в шесть к служебному входу», – прочел Михаил и понимающе кивнул, после чего она смяла записку и сунула ее в карман.

Весь день Михаил боялся опоздать к назначенному часу. Он успел смотаться в Наркомстрой и проверить всю документацию по строительству цеха. В папке была записка одного известного ученого-археолога о подземных сооружениях времен Ивана Грозного, предположительно находящихся в непосредственной близости от выбранного места, но, несмотря на это, строительство не перенесли. Виноваты были все – сверху донизу. Кроме Михаила Александровича: его назначили уполномоченным уже тогда, когда строительство началось, – а вот остальным явно не поздоровится. Теперь задача не из легких – как можно скорее провести повторные геологические и археологические экспертизы и развернуть стройку в другом месте.

Его служебная «эмка» подъехала к музею за минуту до назначенного времени. Ровно в шесть Анастасия Николаевна вышла из музея. Михаил не успел отпустить Шурика. Увидев «эмку», женщина вжалась в стену и застыла. Михаил, заметив это, галантно распахнул перед ней дверцу, но его новая знакомая не двинулась с места.

– Может, пройдемся пешком? – спросила она.

– С превеликим удовольствием, – ответил Михаил и отпустил водителя, предупредив, что завтра, как обычно – по расписанию. Захватив из машины портфель, он вопросительно посмотрел в уже не такие испуганные глаза.

– Мне показалось, Анастасия Николаевна, что вы испугались Шурика, – улыбнулся Михаил, – это так?

– Да нет, вы ошибаетесь, просто... не имеет значения... Нам надо где-то присесть, хочу кое-что вам показать. Книга при вас?

Михаил потряс портфелем и предложил зайти в ресторан поужинать.

– Нет, там полно народу, – отказалась она, – давайте в парк, пока не стемнело. Посидим на скамейке, подальше от ненужных глаз. Пока будем идти, я вам постараюсь кое-что объяснить, хотя бы свое поведение. Не знаю почему, но я вам доверяю.

– Потому что вру? Вы ведь так сказали сегодня днем в кабинете.

– Эта книга не могла нигде оказаться, кроме того места, где вы ее нашли.

– Может, вы знаете это место?

– Догадываюсь либо могу предположить. По крайней мере, мой научный руководитель это знал.

– Почему тогда не нашел?

– Его арестовали. Год назад, а у меня есть документальные доказательства его гипотезы. Давайте свернем сюда – так мы выйдем к бульварам.

* * *

Осень в этом году выдалась просто замечательная: теплая, нарядная. Листья, впитавшие солнце, не торопились упасть, постепенно отдавая свет и солнечное тепло.

Они немного прошли по аллее и, найдя свободную скамью, присели.

– Простите, я даже не знаю вашего имени, – смутилась Анастасия Николаевна.

Михаил встал, приподнял шляпу и представился полным именем и фамилией, назвал и должность. Она опять очень внимательно и прямо посмотрела ему в глаза, и в этот момент ему вдруг захотелось исправить сказанное и назвать свое настоящее имя, но он отогнал эту бредовую мысль.

– Я так и думала: Мытищи, село Тайнинское, строительство...

– Не томите, Анастасия Николаевна, что такого особенного в этой книге, кроме того, что, судя по всему, она действительно очень древняя.

– Мне бы хотелось взглянуть на нее еще раз. После того как я вам открою тайну, с ней связанную, обещайте, что вы мне ее дадите на пару дней.

– Ну, разумеется, если только это не государственная тайна, – улыбнулся Михаил.

– Дело в том, что я сама не до конца понимаю ее значение. Книга впервые упомянута в письме, датированном 1631 годом. Письмо со мной.

Она вынула обычный тетрадный листок в клеточку, исписанный старинной вязью.

Михаил удивился:

– Что-то больно современно выглядит ваше послание.

– Я скопировала буква в букву. Там многие места повреждены и полно неясностей, но суть прочитывается. Письмо инокини Марфы, матери царя Михаила Федоровича, первого Романова на российском престоле. Написано перед смертью. Из текста ясно, что она кается в своих грехах, один из которых связан с книгой. Вы готовы?

Михаил кивнул и развернулся всем корпусом к своей собеседнице. И в который уже раз поймал себя на мысли, что не может не любоваться этой женщиной. Маленький кленовый листок с красной каймой слетел на ее русую макушку. Михаил хотел его снять, но побоялся прикоснуться к ее волосам, к толстой косе, засиявшей вдруг золотом в закатном солнце.

– Тогда слушайте, я вам сразу со старославянского перевести буду: «Мы, матушка-государыня Марфа, находясь в светлой памяти, решили покаяться перед смертью. Грех великий совершивши, несли тяжесть оного всю свою жизнь. Сын мой и Государь всея Руси, Михаил, прости и помилуй! Находясь в Макарьево-Унженской обители и молясь святому угоднику и чудотворцу Макарию о вызволении из плена мужа моего и отца твоего, патриарха Московского Филарета, на четвертый день поста, в день первый второго лунного месяца, было мне видение. Предстала передо мною Пресвятая Богородица с иконы Федоровской и говорила со мной...»

Анастасия Николаевна качнула головой.

– Тут далее в тексте провал из-за повреждений, но это буквально несколько предложений, а по смыслу выходит, что Богородица дала наказ ей об этой книге. Предположительно, той самой, которая сейчас лежит у вас в портфеле.

Михаил опустил глаза на скучный, пыльный портфель, стоящий рядом, и у него возникло чувство абсурдности происходящего.

– Дальше в письме: «...и заповедала хранить книгу эту, отданную роду Романовых, во славу и силу земли Русской на веки вечные. И пусть будет наречена жена каждого Михаила в роду царском Анастасией, яко звали жену царя Ивана, коей была дарована книга эта за доброту ея...».

Анастасия Николаевна подняла на Михаила глаза и впервые за этот день улыбнулась ему, да так хорошо, тепло.

– Тезка моя, Анастасия. Имя это означает «воскресшая». В письме очень интересный намек, вы поняли? Ведь получается, что книгой сначала владела первая жена Ивана Грозного – Анастасия, которую очень любил царь, да и народ тоже. Она одна могла усмирять тяжелый нрав Ивана. А дальше текст все запутанней и запутанней, и повреждений много. Почему-то книгу надо передавать от Михаила к Михаилу. Предполагалось, наверное, что каждого наследника на престол следует венчать на царство именем Михаил, а его жену, как бы ее ни звали, нарекать Анастасией и отдавать ей на хранение стило.

– Как вы сказали, Настенька? Ой, простите, Анастасия Николаевна, очень уж захотелось вас так назвать, не обижайтесь. Сило – та палочка, которая в корешке книги запрятана?

Ведь, как я понимаю, им царапали по бересте или глине, чтобы записи делать, но ведь книга уже написана. Зачем тогда оно?

– Самой хотелось бы знать. Дальше в письме есть упоминание о нем. Сейчас дочитаю. «Книгу, как Богородица завещала, я отдала тебе, сын наш, царь Михаил, а стило отдано мной было девице Марии Хлоповой, которая по сердцу тебе прилась и выбрана была нами в жены царские. Однако затмение нашло на меня. И, будучи не в ясном уме, учинила я гонения на Марию, ибо обманута была людьми бесчестными...» Тут опять провал в тексте большой, но я вам, если хотите, всю историю царя Михаила и девицы Хлоповой расскажу. Очень романтическая и печальная история...

Анастасия Николаевна задумалась, глядя перед собой.

– Конечно, хочу, – ответил Михаил, – но объясните, в чем кается Марфа в этом письме? И почему эта книга оказалась замурованной в подземелье?

– Давайте я дочитаю до конца. – Анастасия нахмурила лоб и продолжила: – «Отравлена и оклеветана была твоя невеста Мария Хлопова, нареченная Анастасией, а после сослана по воле моей в Тобольск. А после было мне другое видение Богородицы – корила Она меня за грех великий, что совершила по глупости сердца материнского, ради прихоти своей, супротив невесты твоей любимой. И завещала Царица Небесная, что Романовы – последние цари на Руси, и мученическая смерть их ждет, и долгая смута настанет, доколе не будет обретена книга вновь и читана, как подобает, и тайна великая откроется...» Дальше опять не ясно, – вздохнула Анастасия, – текст уничтожен временем, но иногда проскакивают обрывки фраз о каком-то старце, пришедшем из тех земель, куда была сослана Хлопова, и о том, что в руках его будет царский знак. Есть еще слова о «чаде непорочном – царе всех царей», которому суждено книгу прочесть. Похоже, Марфа испугалась, что книга попадет в руки заговорщиков и они посадят на престол Романовых непонятно откуда взявшееся «чадо», судя по всему, очень грамотное. Как ни странно, ни Марфа, ни царь Михаил по какой-то причине не прочли в книге ни строчки.

– Понимаю почему, – усмехнулся Михаил, – вы сами увидите. Буквы странные, не похожие ни на один известный мне алфавит. Я, правда, не знаток, возможно, это язык древний. А что ваш профессор думал обо всем этом?

– Он говорил, что обретение этой книги подобно открытию Гипербореи, и был уверен – в книге есть ответы на самые важные вопросы о судьбе России. Кроме этого, предполагал, что ссылка невесты царя в Тобольск, а потом в Верхотурье предопределила появление того самого «старца». Вы понимаете, о ком идет речь?

– Если честно, теряюсь в догадках.

– Все очень просто – это Григорий Распутин. Он, словно пуповиной, был связан с Верхотурьем. Сначала провел в обители два года, а потом наведывался туда как заговоренный. Профессор установил некую связь между Марией Хлоповой и Распутиным. Их жизни разделяют почти три века, но намек в письме очевиден – место ссылки Хлоповой стало местом обретения силы загадочным старцем. Догадка привела моего учителя в Верхотурский Николаевский монастырь, и там он получил подтверждение своей гипотезы: в некоторых летописях упоминалось стило, которым недолго владела царская невеста. На нем якобы был изображен знак царской власти. По описаниям, найденным профессором в монастырских книгах, этот «царский знак» был лигатурой – сплетением букв М и А, причем очень необычным способом. Представьте, что центральный конус буквы М перечеркнут посередине чертой.

Анастасия Николаевна что-то нарисовала в уголке тетрадного листка и протянула лист Михаилу.

– Если перевернуть изображение, то получается, что внутри буквы М заключена буква А, – объяснила она. – Так Мария Хлопова иногда подписывала письма, адресованные царю Михаилу. И вот тут – самое интересное. Говорят, что полуграмотный Григорий Распутин во время исцеления страждущих будто бы чертил в воздухе странный знак, напоминавший перечеркнутую М. Откуда он о нем знал? Что за этим стоит? Ведь до сих пор непонятно, из какого источника он черпал свою нечеловеческую силу, отчего вдруг сыграл такую роковую роль в истории России. Профессор предполагал, что, странствуя по свету, Григорий мог слышать легенды о книге, дающей власть, и о «царском знаке», который был с нею связан. Скорее всего, Распутин не случайно оказался в тех местах, где когда-то Хлопова отбывала ссылку. – Анастасия перевела дыхание, словно припомнив что-то: – Извините, я обещала вам рассказать про то, как Марфа разрушила брак царя Михаила и Марии Хлоповой, но, может быть, вам это не интересно?

– Ну что вы! Поверьте, мне хорошо известна ситуация, когда мать не принимает будущую невестку. За что Марфа ее невзлюбила?

– Родня Салтыковых поработала, а потом дело дошло до ультиматума: «Или я, или она – обе в одном царстве не уживемся». Прямо как на одной коммунальной кухне... А представьте, что книга и стило действительно могли стать охранной грамотой романовского рода, а Марфа по бабской дури и злобе все нарушила. Во всяком случае, сыну и его невесте столько горя принесла. Она любовь убила, а там, где убивают любовь, ничего хорошего не вырастет. Там пустота и, если хотите, смерть.

Михаил попросил разрешения закурить. Анастасия Николаевна не возражала. Она украдкой рассматривала его. Подумала почему-то: рядом сидит аристократ, который маскируется под пролетария. Красив, благороден и, скорее всего, счастливо женат.

Он смял папиросу, так и не закурив:

– Анастасия Николаевна!

– Можно просто Настя.

– Спасибо! Если вы не спешите, расскажите мне про них прямо сейчас. Сегодня ночью, после того как книгу нашел, приснилась мне старая монахиня. Была она одета во все черное, что-то зло вещала, но слов во сне было не разобрать. Странно это.

– Я не спешу. Муж в отъезде, детей у меня нет, и отец мой пока не со мной. Никто меня дома не ждет.

– Вы замужем? – Вопрос Михаила прозвучал несколько более разочарованно, чем следовало.

– Два года как. А вы разве не торопитесь к жене?

– Овдовел пять лет назад.

– Простите. Тогда, если нам спешить некуда, слушайте. Но учтите, это долгая история.

Глава вторая

Марфа отходила. Уже месяц не вставала она с постели, а последние три дня отказывалась от еды и лишь пила воду со святых мощей, изредка и помалу. Приказала священника позвать для последней исповеди, а остальную челядь услала вон. Тот явился ни свет ни заря, но она уже не спала, находясь между явью и мороком которые сутки.

– Холодно мне, как холодно. Велите еще одеял и топите печи. Почему не топлено?!

– Топим, матушка государыня. День и ночь топим!

В почивальне стоял сухой жар, как в бане, но царица мерзла. Доктор говорил, что это от того, что не бежит у ней кровь по телу, отходит она...

Марфа открыла глаза и, узрев духовника, обратилась к нему:

– Во имя Господа нашего, Иисуса Христа, прими исповедь мою. Случилось мне видение, когда перед святым угодником, чудотворцем Макарием молилась о вызволении супруга моего Филарета из плена. Постилась, как подобает, и в день оный ничего, кроме воды, не принимала. Явилась мне Богородица и говорила со мной, батюшка. Долго говорила, а видела ее, как тебя. Только спервоначалу яркий свет посреди ночи разлился в келье моей... И обещала я все исполнить по воле ее. Но...

Марфа вздохнула тяжело и замолчала надолго. А священник терпеливо ждал, покуда она вновь соберется с силами говорить.

– Грешна я, батюшка, тем, что не сдержала обет, данный мною Богородице. Нет мне прощения! За то и гореть мне на вечном огне в геенне огненной, что я волю свою выше Божеской поставила, – в том и грешна...

Она замолчала, а потом начала говорить шепотом, скороговорками, непонятностями:

– Опять ты, Мария, уйди, не мучай. Зачем пришла? Я сына берегла от супостатов! Не было у тебя детей, не знаешь, каково это! Не плачь. Знаю, что по моей вине бездетна осталась, прости. Мне за это перед Богородицей ответ держать. Страшно!

Марфа завывала по-звериному, заметалась на подушках.

Духовник ждал, не зная, что делать дальше, здесь ли еще Марфа или в видениях своих пребывает. Но вот затихла она, и он, продолжив молитву, заметил, как лицо ее разгладилось, а дыхание стало легким.

И услышала Марфа в тот миг пение ангелов. Светло вокруг стало, и вновь пережила она всё: детство свое и юность; сватовство Федора и замужество; рождение детей, гонения и заточения многие; возвращение в Москву и венчание Михаила на царство – мельком все это пробежало перед взором ее. Но в голове вдруг музыка загремела, скоморохи в ярких колпаках в дудки свои заиграли. Вот оно, праздник скоро! Сына пора сватать!

В тот год исполнилось Михаилу двадцать. Был он хорош собой и царствовал уже четыре года как, но оставался мягок сердцем и характером нестойк. Тревожилась Марфа, ночами не спала: пора найти сыну невесту, дабы через наследника престол укрепить. Хотелось праздник устроить, большой праздник на Руси. Негоже молодому мужчине далее одному оставаться. А о здоровье сына кому, кроме матери, подумать? Но столько всего пережито было, что и о другой стороне все чаще задумывалась Марфа, не смыкая ночами глаз: так бы исхитриться женить Мишу, чтобы не было ему козней от бояр и дворян, к трону приближенных, и новые родственники не стяжателями были бы, а людьми честными и богобоязненными. Все кругом власти да денег хотят, а хочется всю власть сыну родному: чтоб страну в кулак собрал и чтоб сильнее той страны на свете не было! Да ведь слаб он характером. Какой там кулак? Нет, самой придется все строить и самой опору среди верных людей искать!

На сей раз аж задохнулась Марфа от мыслей своих и девушку кликнула воды испить.

И вот уже гонцы с грамотами по всем русским городам-весьям заспешили. Было в тех грамотах повеление высшее: девок возрастом старше шестнадцати лет дома не прятать, а на смотр наместникам везти. Всех – богатых и знатных, и тех, что пусть не богаты, но собой хороши. И чтоб росту были высокого, и чтоб голова невелика, а ладони и стопы малы и не широки. И чтоб в семье была не единственным чадом, но одним из многих, что о плодотворном чреве свидетельствует.

Повалил народ из деревень и городов малых да великих, и везли дев множество, одна другой краше. А наместник своим взглядом строгим отбирал из них лучших да в столицу отправлял с родителями. В Москве смотр учиняли уже бояре, отобрали из всех пятьдесят самых красивых. А потом представили матушке Марфе, и та на свой вкус выбрала с полдюжины. Хитра была Марфа: всем девицам, вроде как с дороги да с устатку, баньку устроила. Не простую баньку – царскую. А царская банька с мыльней не токмо велика: была там комнатка секретная, в ней окошко проделано, из мыльни невидное, а ключ у Марфы одной, и более ни у кого такого ключа не было.

Как баньку затопили, пошли девы мыться. А Марфа укрывалась в той комнатенке и глядеть стала, нет ли у какой из них неправильности в теле, изъяна какого. А девы о том не ведали, и потому смущения в них не было.

Вышла из комнаты Марфа довольная, улыбается. Вперед холодно было в бане, и туман все окошко застил, а как нагрелось, то увидела, что все хороши, все пригожи: и косы до полу, и тело белое да чистое у каждой, аж глаза разбегаются! Но одна среди всех более других приглянулась – взгляд ласковый да кроткий, и статная, и осанистая, будто царицей родилась!

То и была Мария Хлопова. Привел ее дядька, Гаврила Васильевич. Были они из московских дворян, что сама Марфа приблизила за верное служение. Марфе это по душе пришлось, что свои, не пришлые. Да и девица хороша: высока, стройна, и не худа, но и не распирает тело безмерно. Ладони и стопы узкие, а бедра, напротив, широкие, в родах подспорье.

Вот Марию и еще пятерых девушек Марфа отправила после баньки в верхние палаты царские: пожить-погостить. Ночью же, когда они уснули, пошел к ним в опочивальни сам Михаил. А натопили в тот день сильно, чтобы не укрывались девицы и спали в рубашках только; да и Марфа хитрая: каждой по дорогой, тонкого полотна рубашке подарила! Рубашки прозрачные почти, все тело видно.

Ходит Михаил, вглядывается, и все ему хороши кажутся! Трудное это дело – невесту выбирать, царицу будущую! И эта хороша, и та пригожа. Но как в самую дальнюю комнату заглянул, тут сердце его сразу в пятки и прыгнуло! Вот она, моя нареченная! Хоть и не по правилам было, но оставил он подле нее розан – цветок невиданный, заморский. Полюбилась ему Мария Хлопова: сама была, как тот цветок, свежа и хороша!

Вспомнил вдруг Михаил, где видел ее ранее. Был он ребенком в ссылке далекой, с матушкой вместе. Там играл с хохотушкой Марьюшкой. С гор с ней катались, в лес за грибами-ягодами ходили. Не было у него подружки лучше. Вспомнил и то, что она охранника царского, Гаврилы Васильевича Хлопова, племянница. Нет, не бывать для него другой жены! Потому и розу подле нее оставил.

А девушкам меж тем в другой день объявили, что будет в воскресенье главный смотр устроен – царский – и чтоб надели они лучшие наряды свои.

Мария, как увидела царя, так тоже сразу вспомнила дружка своего по играм детским. Улыбнулась, глянула озорно, и больше уж ни на кого Михаил смотреть не стал. Отдал ей, как принято, платок да кольцо обручальное. Тут государыня Марфа возрадовалась, что они с сыном одного хотят и одинаково выбрали!

На другой день позвала Марфа к себе сына и невестку будущую. Заперлась с ними в почивальне своей и речи повела странные:

– Сделали мы выбор свой, и я, и Михайла. Совпал тот выбор. Люба ты нам обоим! Да только непросто царской женой быть. На троне сидеть да наряды богатые носить каждая может, а быть царю поддержкой и утешительницей, другом верным – то долг тяжкий. И коли родня твоя одного хочет, а муж – другого, то он решать должен, а ты его воле всякий раз послушна должна быть.

Строго говорила Марфа, и Мария зарделась от слов тех. Голову повесив, молчала, не знала, что ответить.

– Поди-ка сюда.

Марфа подошла к большому резному ларцу, стоящему на столе, и вынула оттуда книгу в толстых обложках. Извлекла из корешка палочку серую на кожаном шнурке и, подойдя к Марии, на шею надела:

– Вот, Мария, храни и не снимай никогда стило это. И в Господних чертогах то стило будет историю вашего с Михаилом счастья писать во славу земли Русской, доколе на себе носить его станешь! И тебе, сын мой, наказ даю: книгу эту никогда не отдавай от себя, всюду с собой вози и храни. А назавтра объявим волю свою: Анастасией невесту твою наречем, в честь жены царя Ивана. Теперь же ступайте, устала я, отдохнуть хочу.

Мария вышла из почивальни сама не своя. Станный маленький предмет на шнурке спрятала поглубже, чтоб никто не видел. Красоты в нем особой не было, но теплый был и свербел под пальцами, как живая букашка, коли в кулак сожмешь, поймавши. Глянула на Михаила и, прежде чем успела коснуться пальцами его руки, уведена была мамками да няньками в светелку, где жила.

«Негоже до свадьбы близко к милому стоять», – вспомнила слова бабулины.

Той же ночью подле свечи стала Мария разглядывать затейливую, шершавую на ощупь палочку. Знаки дивные, на жучков похожие, покрывали ее от острия до ушка, в которое был шнурок вдет. На буквы похожи, только непонятные. Одна, самая большая буквица, что ближе к острию, особо приглянулась Марии. Словно кто «Мыслете» и «Аз» начертал как одно целое. Улыбнулась думке своей: «Крещена Марией, а стану Анастасией. А может... ну, конечно же! “М” – это Михаил! Сие знамение того, что царь Михаил и царица Анастасия едины, как буква эта. Славно то как!» Никому не сказав про мысли свои, срисовала буквицу странную на крохотный кусочек бересты и спрятала на груди.

Наутро Марфа вновь вызвала Марию, чтобы одарить девушку ожерельем жемчужным, необычным. Не то что наш речной жемчуг, мелкий да невзрачный. Ожерелье то было из заморского розового жемчуга – крупного, как смородины. Одна жемчужина к одной – хороши да яркие, как на подбор. Но как надевать ожерелье на невесту стали, так оно и рассыпалось, раскатились жемчужины по всей горнице. Озлилась Марфа и повелела тот жемчуг выкинуть – мол, примета плоха. И почали бусинки собирать все девушки сенные, все прислужницы, кому больше всех достанется, ибо как же такую красоту выбросить можно! Но Марфа прогнала всех до единой.

На другой день в главные царские терема Марию с мамой и бабушкой ввели. Обычай такой: которую девушку царь выберет, ту с молитвою нарекают царской невестой, или царевной, имя новое дают и в главные терема поселяют. С той поры крест ей должны целовать дворовые люди да в ектеньях упоминать. А имя дали ей Анастасия, в честь жены Ивана-царя.

Пришло время Анастасию-невесту народу показать. На то выбрали Троице-Сергиев монастырь. После заутрени воскресной под сладкий колокольный перезвон двинулись царские возки из Кремля: сама матушка Марфа с челядью, царь Михаил со свитой всей, бояре да дворяне, к царю приближенные, и нареченная царская невеста с родными. Великий поезд получился. А по всему пути были для них в больших селах шатры поставлены, горячие яства готовились, щи кислые наливали, взвары, меды, сладости да смоквы заморские, и печиво разное, чтоб с устатку поесть-попить и далее ехать. Путь-то неблизкий, поди, почти семь

десятков верст, и по всему пути люд русский мог на царицу будущую глядеть, ибо ехала она в открытом возке.

Не было человека, кому не по нраву она пришлась. От красоты такой глаз отвести не могли. Однако не всем по сердцу выбор был такой. Была среди девушек, кто гостевал с другими невестами в верхних палатах, одна невыбранная – Екатериной звали, дальней родственницей братьям Салтыковым она приходилась. Те желали хитростью через нее, коли станет царицей, к Михаилу приблизиться. Но никто о том пока не знал и не ведал. Той ночью, что смотрины были, встала Екатерина воды испить: жарко натоплено в палатах, и воздух сух безмерно! Услышала, как государь уже вниз спускается, и увидела цветок подле Марии Хлоповой.

– Беги, Наташка, – послала она девушку свою сennую к дядьям. – Скажи как есть всю правду, что царь Хлопову царицей выбрал. Да нигде не останавливайся и ни с кем о том больше не говори, поняла?

Наташка, босая, потихоньку из палат выбралась, половица под ней нигде не скрипнула, да припустила к боярскому дому мухой! Насилу отдышалась в сенях и сразу, как было приказано, с докладом к дядьке Борису постучала. Он ей за то пятак подарил. А наутро братья стали совет держать:

– Слышь, Катька ночью девку свою прислала. Дело-то, поди, решенное с царской невестой! Чё делать будем?

– Решенное говоришь? А это мы еще посмотрим, какое оно решенное, – ответил старшой и хитро улыбнулся.

Приказали дядья Екатерине взять зелье, по две капли в воде растворять незаметно и опаивать тем питьем Марию Хлопову. От этого зелья живот у ней болью изойдет, и здоровью вред причинен будет сильный, а коли те капли долго пить, то и совсем человека извести можно! Да вот отослали Екатерину из Кремля домой на пятый день гостевания, не успела она великой беды натворить.

И все же стала невеста царская Анастасия животом маяться. Жаловалась бабушке своей:

– Ничего не ела, окромя хлеба, а тошнит, мочи нет! Что со мной, бабуля?

– Эх, Машенька, птенчик мой родной, не уберегла я тебя. Вот мы лекаря позовем, и все пройдет. Не тревожься, дочка, ты невеста царская названная, дальше все только хорошо будет. Ну, занеможила, с кем не случается?

Она гладила Марию по голове и баюкала, как дите малое, а сама думала: «Не к добру тот жемчуг рассыпался, будто слезы девичьи из глаз покатались, ох, не к добру... Лучше бы и не дарила его государыня Марфа».

Но говорят, даже у стен есть глаза и уши, а в кремлевских палатах и подавно. Слух пошел, что невеста нездорова. Михаилу о том доложили в тот же день. Он и послал бояр Салтыковых следить за докторами и помогать тем повсеместно, чем понадобится, и каждодневно к нему, царю, с докладом ходить.

Другой день, как доктора осмотрели Марию Хлопову, решила Марфа совет держать с братьями Салтыковыми. Кто ж еще ближе стоит, чем собственные племянники?

– Видать, не крепка царская невеста здоровьем. Хочу совет ваш слышать! Говори, Бориска, сначала ты, – приказала Марфа.

– Матушка государыня! Доктора говорят, не чадородна она через слабость свою, а какой с той невесты государству прок? К тому же дядька ее, Гаврила Васильевич, уж такую власть взял прежде времени, что и на место поставить не грех. Как бы не было престолу большой беды от этих Хлоповых. Не зря Господь на Марию болеть наслал, неспроста это. Что уж мы невесты государю-батюшке Михаилу не сыщем, чтоб здоровая и чтоб без подвоха какого?!

– Хорошо говорите, складно, и доверие я к вам имею, – кивнула Марфа. – Кому же мне верить, как не вам? Объявляйте завтра земский собор. И пусть вся родня ее там будет, на том соборе. Докторов еще раз строго расспросите сами, а мне про то потом доложите!

Созван был большой собор земский. На том соборе Гаврила Хлопов челом бил, что здорова была племянница его все годы, что ее знает. И шесть недель, что в палатах царских провела, тоже была здорова, а хворь с ней сделалась по причине сладкой еды, во множестве поставляемой, и доктор, мол, обещал, что болезнь лишь на время и чадородию не помеха.

Но следом выступили братья Салтыковы, в один голос заявив:

– Оба доктора допрошены. Невеста здоровьем непрочна.

Тут шум великий вышел промеж них и Гаврилой.

Последнее слово держала матушка Марфа, повелев завтра же девицу Хлопову из палат со всей родней отослать в Тобольск, с глаз долой, а отца ее на воеводство в Вологду, чтобы никого из ее рода на Москве не осталось, ибо обманом в доверие вошли и власть над Москвой тем обманом хотели заиметь.

– Сына моего здесь власть и другой не потерплю! – кричала она, разволновавшись после собора так сильно, что руки тряслись, а сердце тугим комом распирало грудь, не давая дышать...

– Лекаря велите позвать, – наконец тихим голосом повелела Марфа, – и Михайлу покличьте. Слово ему должна сказать материнское.

А Михаил после собора этого в таком расстройстве чувств пребывал, что искали его до ночи самой и насилу сыскали в дальних садах, чтобы к матери направить.

Как он вошел, Марфа приказала:

– Сядь подле, Михайла, руку мою возьми. Холодно рукам, мерзну я.

Он укрыл мать шелковым, подбитым соболями одеялом и сел рядом.

«Рука холодная, как лед, сухонькая, жилки все синие выступают, кожа, как пергамент, – подумал. – Бедная, как же она за меня сердцем мается! Жаль ее, и Марию жалко. Люблю их обоих. Как быть?»

– Сыночек! – Марфа, молча лежавшая, словно полумертвая, открыла наконец глаза и заговорила. – Знаю, по нраву тебе Мария Хлопова прилась, и мне тоже поначалу славной показалась, но обманула нас ее родня, скрыла болезнь тяжкую, желая власть большую над нами захватить. Сам мог слышать, что на соборе творилось. И коли был бы ты простой человек, то сказала бы я тебе, поступай как знаешь, однако государство великое за тобой стоит, и ты за то государство в ответе перед Господом и всем православным миром. Смирись, Господь отвел от нас беду через хворобу невесты твоей! Не быть ей царицей!

– Люба она мне одна, и другую за себя не возьму! А коли по-моему не будет, то и не надобно мне другой в жены, не хочу! – ответил Михаил и заплакал, как дитё.

Он долго еще говорил ей, что неправда все, что здорова Мария была, доколе не попала в палаты, что отравили ее завистницы, что по сердцу ему прилась очень, что знает ее с детских лет, и многое еще говорил, роняя горькие слезы на синий шелк одеяла, пока не заметил, что мать уснула и не слышит его...

На другой день ночью вызвана была ключница Марфы, коей доверяла та самые важные дела.

– Иди, Дарья, в палаты, где Хлоповы до поры живут. Вели Марии отдать то, что более ей не принадлежит. Пусть при тебе стило с шеи снимет. В шкатулку положишь и мне доставишь сразу!

В точности выполнила ключница все. А как стала матушка-инокия проверять стило, то до того оно холодным ей показалось, будто в прорубь его опустили и держали там долго.

Как ни далеко отправили любимую Марию-Анастасию, а писал ей царь Михаил письма каждый день: что делал, какие цветы выписал из-за моря, про труды государствен-

ные тяжкие. Одно утешение – писать ей и представлять, что она рядом сидит и говорит с ним каждый день, за руки держит. Мария тоже писала и тоже каждый день, но письма не доходили ни ей, ни ему, потому как бояре Салтыковы крепко стояли на страже тому.

«Любый мой, – писала Мария, – инда забыл ты меня и не пишешь, а знаю я от родных, что нет у тебя жены до сих пор. Помнишь ли игры наши детские – как с гор катались, как напугал меня в лесу, за дерево спрятавшись? Поклялась, что буду верна тебе до гробовой доски. И если Господь решил испытать любовь мою, то любое испытание будет мне не пыткой, но счастьем. Ибо без тебя жизни мне нет. А цветок, тобой подаренный, храню – он сердцу одна отрада». И подпись: две буквы «М» и «А», слепленные воедино.

А от Михаила летело письмо: «Свет мой Марьюшка! Плохо мне одному. Ибо государственный долг свой исполняю, но нет подле близкого человека. Тревожусь одиночеством, и страхи меня посещают частые, что не свижусь уж с тобой никогда. Как в сад пойду, то птичку певчую, или цветок на заре открывшийся, или саму зарю раннюю – всё тебе показать хочу. Во снах тебя вижу часто, тогда счастливым проснусь, и тяжкие дела государственные становятся мне не в тягость...»

Так и маялись они душами в неведении, отчего ответа нет. А когда отец Михаила, патриарх Филарет, вернулся из плена и почестями встречен был, то имел беседу с сыном своим.

– Не верю, отче, что истинно было то, что Салтыковы доложили, – сетовал Михаил. – Оговорили Марию, дабы возвыситься в глазах Марфы и не дать никакой власти Хлоповым.

– Сынок! Женский ум изворотлив, да зачастую лукавством своим себя же в обман вводит, – успокаивал его Филарет. – Доверился ты матери, ибо другой опоры подле тебя не было. Велю завтра позвать Салтыковых да учиню допрос лекарям.

Дознался-таки Филарет, что очернили девушку и напраслину возвели. Хотел Михаил к Марье своей помчаться, но мать заявила: «Или я, или она! Не быть в Кремле обоим!» Не захотела признать себя одураченной, к тому же не по нраву ей было, что сын противится воле материнской, других невест не ищет, только Хлопову подавай. «Эдак, – думала она, – начнет невестушка сыном крутить, что песьим хвостом, а мне-то обиду не простит и супротив матери настроит. Решено, и все тут!»

Однажды после вечернего моления к Марфе пожаловал сын, а в руках его была книга заветная. Встал на колени и, склонив голову, сказал:

– Прости меня, государыня матушка! Греховен я был в помыслах моих, ибо чувства свои выше долга поставил. Велишь жениться – женюсь, ибо в Писании сказано: почитай отца и мать своих, – а я не почитал. Однако книгу эту забери от меня. Не ведаю, что в ней написано, но чувствую, что с каждым днем она тяжелее становится. Холодом от нее могильным веет. А давеча привиделся страшный сон, что передо мною яма глубокая, а в ней кости человечьи в кучу свалены, и знаю отчего-то, что это царь и царица, дочери их и отрок-наследник так захоронены, словно прокаженные, в могиле общей. Земля из-под ног уходит. Мария мне руку протягивает, но мочи нет за нее ухватиться. Падаю туда, а сверху плита могильная надвигается, и похожа она на книгу эту. Забери ее. Сними тяжесть с души моей. Знай, что покорился я воле твоей, но не разлюбил. Засылай сватов, пусть жену мне сватают. Которую выберешь, на той и женюсь. Мне теперь все равно...

Марфа вспомнила все это в последние моменты жизни своей, вспомнила и то, что книгу тогда приказала глубоко в землю спрятать. Затем легкость в ее теле настала необыкновенная: видела она себя теперь маленькой и худой, на ложе в большой темной палате, но взирала будто со стороны, сверху. Куда-то ушли тяжесть сердца и прочие болести. Суетились вокруг слуги и доктор, но было ей безразлично, будто не ее окружали, а чье-то чужое тело, до которого теперь ей не было никакого касательства. Испытывала она лишь радость, легкость и счастье. Вдруг показалось, что кто-то сильный подхватил ее под руки и вынес из темных палат на свет божий и что она, растворяясь в нем, сама постепенно становилась этим светом.

Михаил Александрович очнулся, как от сна. Анастасия Николаевна замолчала и удивленно посмотрела на собеседника:

– Михаил, вы меня слышите? Еще не заскучили?

– Да что вы! Я словно провалился во времени. Даже странно представить, как мало меняется человек. Свекровь на пустом месте может невзлюбить невестку – дело обычное. Курьез в том, что, если следовать логике покаянного письма, в результате это привело к падению царской династии. И кому такое в голову придет?

– Зло порождает зло и аукнется обязательно, даже через триста лет.

– Хочется верить во вселенскую справедливость, но иногда жизнь доказывает обратное.

– Темнеет, мне пора, – встала со скамейки Настя. – Вы обещали мне книгу.

– О да, конечно. Но, знаете, она довольно тяжелая. Давайте я вас провожу, донесу прямо до подъезда.

– Мне тут недалеко, но буду рада.

Солнце, проваливаясь за горизонт, зацепилось ненадолго за верхушки деревьев; они кроваво полыхнули и погасли. Михаил и Анастасия шли бульварами к Арба ту, топчя листву, похожую на луковую шелуху, рассыпающуюся под ногами золотисто-коричневой трухой. Маленький листок с красной каемкой, застрявший в Настиных волосах, гипнотизировал Михаила – ему очень хотелось снять его и спрятать в карман украдкой, но даже при мысли о прикосновении к русым волосам бросило в жар. Воображение нарисовало идиллическую картину: уютная комната, вечереет, теплый свет торшера, а под ним на диване, поджав ноги, сидит она. Открывается дверь, и ее глаза, оторвавшись от книги, смотрят на него...

Стоп, на кого? К сожалению, не на меня, словно проснулся Михаил, а на мужа. Интересно, каков он? Расспрашивать неприлично. И так выгляжу дураком. Стыдно, что не удержался и расстроился, узнав, что она замужем. Думаю, муж намного старше ее. Во всяком случае, так хочется думать... Он, возможно, работник умственного труда. Идиотская фраза – «умственный труд», как будто бывает какой-то иной. Даже гвоздя не забьешь без мозгов! Наверняка он ее очень любит. Еще бы, такую не любить! А вот она – любит ли? Почему-то совсем она не похожа на счастливую женщину: смотрит в землю, хмурится, идет быстро.

– Вот мы и пришли. – Анастасия развернулась к нему так быстро, что они чуть не стукнулись носами.

Засмеялись, и он наконец решил:

– Анастасия Николаевна, разрешите. – И протянул руку к ее голове.

Она не отпрянула, отметив с удивлением легкое прикосновение его пальцев к своей макушке. С великой осторожностью, как пойманную бабочку, он извлек листок и положил себе в карман.

– Зачем он вам? – рассмеялась Настя.

– Пока не знаю. Буду на него дуть и вызывать ваш образ.

– Вы мистик?

– Я сказочник. Мне столько лет, а я не перестаю верить в чудеса. Сегодня получил миллион доказательств того, что они случаются. И представьте, поверил даже в волшебную силу таинственной книги.

– Давайте ее. Обещаю, что изучу от корки до корки, и мы в ближайшее время обязательно встретимся. Если не возражаете, я сама ее определю в музей. Что-нибудь придумаем, а то – чердак, дача... Несерьезно это. Могут быть большие неприятности.

– Да они и так будут.

– Кто-то еще знает об этой книге?

- Нет, только вы.
- Ну и хорошо.
- А когда я вас увижу опять и где?
- Давайте на той же скамейке, недели через три.
- Так долго!
- Я раньше никак с текстом не управлюсь. Вы же хотите узнать тайну?
- Тайну... конечно, но можно и без тайны, просто так встретиться.

Настя, спрятав за уголком воротника улыбку, перевела разговор на другую тему, вернув Михаила на землю:

– Вот мои окна, видите, на первом этаже. Здесь раньше кухня была для прислуги, а теперь наша квартира.

Она посмотрела на окна, и Михаил заметил, что взгляд ее помертвел. Счастливые жены так не смотрят на свой дом. Сердце радостно забилося: а вдруг она несчастлива в браке, мужа не любит, хочет уйти? Если бы это было так! Он неловко пожал протянутую руку. Рука была холодной и слабой.

Настя зашла в темноту подъезда. Три ступеньки вниз. Открыть ключом, он всегда в левом кармане. Но почему шинель Семена на вешалке? Как же это он без шинели, ведь холодно уже. Но хозяин шинели был тут же, в комнате, называемой им «залой». Он стоял у окна и гаденько скалился:

– Ну что, жена, не ожидала? С кем была? Только не ври – я видел. Кто такой? В шляпе, только что не в очках, антеллегент вонючий. Муж за порог, – Семен перешел на фальцет, – а она сразу к своему полубовнику. Как мужа родного приласкать – так времени нет. Детей родить и то не можешь. На что ты годишься? Книжки свои сраные читать день и ночь? А в твоих книжках не написано, что мужа надо уважать? Того, который кормит и поит, шмотки тебе покупает. Который отца твоего, попа паршивого, от расстрела спас и шкурой своей рискует, чтобы ты, отродье поповское, на этапе не загнулась.

Семен покраснел от крика. Глаза его, казалось, обесцветились до белизны, а зрачки превратились в крохотные злые точки. Он замахнулся, чтобы ударить, но не посмел. Настя подняла голову и глянула на него презрительно:

– Еще раз тронешь или оскорбишь, уйду. Чем с тобой в одной кровати лежать, лучше всю жизнь на нарах.

Рука Семена опустилась, но пальцы сжались в кулак.

– Успеешь еще. Жрать давай, устал как собака: тридцать допросов за сутки.

Он выпил стопку водки, потом еще несколько под жареную картошку с луком и ушел спать в комнату, служившую когда-то кладовкой для хранения домашних заготовок в барском доме. Комната была без окна и считалась теперь спальней. В ней стоял затхлый дух Семенова перегара, отрывки и носков. Настя проветривала каждый день, но мужний запах был стойкий, и ее крепко от него мутило. Почему она все это терпела? Да потому что боялась. Смертельно боялась этого маленького человека с колючими глазами.

Пять лет назад ее отца – протоиерея храма Успения Пресвятой Богородицы Иоанна Пермского – могли расстрелять за антисоветскую агитацию. Он был арестован по ложному обвинению в принадлежности к церковно-монархической организации, ставившей своей целью свержение советской власти и восстановление монархии. Семен был один из тех, кто вел это дело, и пообещал: «Пойдешь за меня, расстрела не будет». Согласилась. Отцу дали десять лет без права переписки и сослали на Соловки. «Главное, что жив!» – возносила молитвы Настя. Кроме отца, никого у нее не осталось: мать и младший брат умерли от тифа. Семен поначалу был ласков, приносил одежду красивую и вещички, даже золотые серьги как-то подарил. Она радовалась подаркам, пока однажды не догадалась, откуда все

это. Шакалил Сема по арестантам – все, что не успевали по документам изъятия провести, в его карманах оседало. Она попросила больше не носить, потому как надевать это – грех великий. Семен покрутил пальцем у виска и носить не перестал, только прятал по углам.

Настя прибралась на кухне и, заслышав Семенов храп, прикрыла дверь в спальню. Настольная лампа выплеснула блюдце желтого света на сверток, лежащий на столе. Она отогнула края грубой коричневой бумаги, в которую была завернута книга, и чуть не потеряла сознание от волнения. Перед ней лежала та самая книга, которую последние годы искал учитель – профессор Сергей Никанорович Вяземцев. Теперь ясно, что он был прав – поиски действительно надо было вести у села Тайнинское, но ему не дали. Про тайну, в ней заключенную, говорил намеками, но утверждал, что это спасет Россию. Теперь Насте придется самой ее разгадать.

Она провела рукой по вытесненному на кожаном переплете рисунку, похожему на зубчатую круглую печать. Никак не могла понять, что это напоминает. Оглядевшись по сторонам, догадалась: конечно, салфетку, ту, что под вазу постелена. Когда-то сама крючком связала – белая, нарядная, как снежинка, и на книге такая же, но поменьше и тусклая.

Открыла книгу. Под твердой внутренней обложкой, скользкой на ощупь, были страницы из непонятного материала – плотного, как пергамент, но белого и гладкого. На свет они казались полупрозрачными и сплошь были покрыты буро-коричневыми буквами, издали похожими на жучков. Вглядываясь в них, Настя заметила, что многие из них ближе всего по написанию к лигатурам кириллицы и латиницы, а есть схожие с иероглифами.

Вынула из корешка стило. Разглядев на его поверхности буквы-жучки, такие же, как в книге, взяла лупу. Изучая их под увеличением, решила, что перед ней алфавит, поскольку ни один значок не повторялся, только вот какого языка – она не знала.

Был здесь и тот «царский знак» – соединение двух букв «М» и «А», о котором говорил профессор. Крупнее всех остальных, он бросался в глаза. Настя попыталась найти «царский знак» в тексте, но нигде не встретила, что было огорчительно, ведь, понимая значение одной буквы, можно было подобрать ключик к расшифровке всего языка.

Письменность, как в книге, она видела впервые, хотя долгое время занималась сравнительно-историческим языкознанием и могла довольно квалифицированно отнести текст к той или иной языковой группе. С момента появления теории Марра о классовой сущности языка и начала гонений на дореволюционную лингвистику профессор Вяземский перестал публиковать свои труды, окружив себя малочисленными учениками. Настя была лучшей студенткой. С ней одной он делился мыслями о таинственной книге. Профессор, заметив Настины уникальные способности, в шутку называл ее полиглотиком и примерно раз в месяц интересовался, каким новым языком она овладела на досуге. Смеясь, Настя честно признавалась, что месяц – маловато, а вот за полгода освоить новый язык – для нее это реально. В детстве она сама, без чьей-либо помощи, научилась читать по церковным книгам на старославянском, чем очень удивила отца-священника. Однажды она случайно сказала об этом профессору и сразу запнулась, испугавшись, что выдала себя.

– Успокойтесь, Анастасия Николаевна, – улыбнулся Вяземский. – Представьте, предмет гордости моих родителей долгое время был тот факт, что в двухлетнем возрасте я знал наизусть не только гимн «Боже, царя храни», но и длинное стихотворение Жуковского, из которого взяты эти шесть строк. Папа и мама частенько хвастались перед незнакомыми людьми моими уникальными способностями. Я им напоминал, что «Боже, царя храни» – не лучший пример правильного воспитания, но они все время забывали об этом. Слава богу, умерли своей смертью.

Настя сама не заметила, как задремала над книгой. Очнувшись, хотела встать, но не смогла двинуться с места. Ее охватило неприятное ощущение, что кто-то невидимый дышит рядом. Показалось, что хлопнула форточка. Она оглянулась и не поверила своим глазам

– форточка была заперта на щеколду. По ногам потянуло холодом. Пересилив себя, Настя встала и пошла к окну проверить, откуда дует, но застыла на полпути: из темноты ночного стекла на нее смотрела молодая женщина, в руках она держала розу. Настя крепко зажмурилась, тряхнула головой, потом резко открыла глаза и поняла, что приняла за дивный образ сломанную ветку тополя за окном. Постояв в задумчивости, решила, что пора идти спать. Расплетая косу, нагнулась над умывальником, и вдруг что-то стукнуло о его чугунный край. На шее у нее висело стило – то самое, что было запрятано в корешок книги. Но ведь она его не надевала! Хотя, может, забыла. Потянула, чтобы снять, и почувствовала, что в ладони засвербело, зачесалось. Настя осмотрела ладонь и, ничего особенного не обнаружив, решила, что показалось. Сняла стило с шеи и вложила обратно в книгу.

* * *

Три недели до встречи, отмеренные Настей, стали для Михаила вечностью. Пару раз, не выдержав, он приходил к музею в надежде перехватить Настю на пути к дому, но так и не встретил: то ли она заканчивала рабочий день раньше, то ли засиживалась допоздна. Стараясь быть незамеченным, он ходил кругами возле ее дома, и тоже безрезультатно.

Он уже почти смирился и отсчитывал дни до встречи, когда однажды, проезжая с Шуриком по Тверской, заметил ее. Настя быстро шла, сосредоточенно смотря под ноги, словно силясь найти что-то случайно оброненное. Михаил выскочил из машины и бросился за ней вдогонку.

– Настя, постойте! Как же я рад вас видеть!

Она повернула голову, и у него от сердца отлегло: в ее глазах зажегся огонек радости.

– Я тоже рада! А вы за кем гнались?

– За вами. Там, за углом, мой водитель ждет. Вы спешите?

– Да нет, сегодня в музее тараканов травят. Вот, отпустили...

– Слава тараканам! Ура! – проскандировал Михаил. – Предлагаю выпить за их здоровье. Тут «Метрополь» совсем близко, умоляю, давайте посидим чуточку, а потом я вас к дому подброшу.

Настя рассмеялась:

– Ну, разве что за тараканов, но я к шести должна быть дома.

– Обещаю!

* * *

Их усадили в центре зала – других свободных столиков не оказалось. Настя разглядывала роскошный интерьер, но делала она это скорее любопытствуя, чем восхищаясь.

– Интересно, за каким конкретно столиком сидели Есенин и Айседора Дункан, когда он сделал ей предложение? – задумчиво произнесла она, разворачивая салфетку.

– Думаю, вон за тем, пустым, прикрытым портьерой. Наверное, этот столик для влюбленных. И, простите мою дерзость, я бы с удовольствием туда перебрался, – сказал Михаил, чувствуя, как заливается краской.

Настя слегка прищурилась, качнув головой:

– Я бы тоже не отказалась, но, увы, он не для нас...

– Не говорите так, Настя, я все понимаю, но позвольте мне быть честным с вами. Я мечтал об этой встрече с той минуты, как мы расстались. Извините, если ставлю вас в неловкое положение.

– Нет, отчего же, мне приятно, но и грустно одновременно. Я тоже буду честна: в браке я несчастлива, вы мне нравитесь, но это ничего не меняет.

– Это меняет многое, – поднял бокал Михаил, – это дает надежду. Настенька, за вас!

– Михаил, давайте на брудершафт! Но без всех этих выкрутасов и целований, пожалуйста...

– С удовольствием! А почему ты, Настя, не желаешь поцеловаться? – удивился своей наглости Михаил и даже слегка втянул голову.

– Потому, Миша, что ты нетерпеливый и абсолютно нелюбознательный. Вот тебе, как видно, все равно, что в книге написано. Между прочим, твое имя, если мы раскроем тайну книги, войдет в историю.

– Я весь внимание...

– Нет уж, сначала поедим.

Но оба, казалось, не заметили, как официант принес сначала солянку «Метрополь», потом утку с яблоками. Они говорили и говорили, не сводя друг с друга глаз, забывая заглянуть в тарелки.

– Я даже язык этой книги определить не могу, – жаловалась Настя, – знаний не хватает, какая-то странная письменность. А стило – вообще сплошная загадка. Вот, например, точно помню, что не надевала его, а оно среди ночи оказывается на моей шее, да еще легонько жужжит, словно муха. Станный предмет. Если честно, то я много раз надевала и снимала это стило и вот что заметила – как только оно тела касается, так сразу все плохие мысли вон из головы. Вдруг так радостно становится, легко, вот и ношу. Оно и сейчас на мне. Знаешь, что мне пришло в голову, когда перечитывала письмо Марфы? Что мы не зря с тобой встретились. Там сказано: книгу отдать Михаилу, а стило – Анастасии, и так поступать всякий раз на протяжении многих веков. Каким-то образом именно эти имена должны сработать. Предлагаю попробовать почитать вместе.

Огромной ладонью Михаил накрыл ее крохотную, почти детскую руку:

– Давай поедим ко мне на дачу, там безопасно. Никто не помешает.

– Потерпи немного, мой муж собирается надолго в командировку. Скорее всего, к Новому году – тогда и встретимся.

– Я не выдержу! Раньше никак нельзя?

Настя вдруг посерьезнела и как-то сникла сразу:

– Раньше нельзя – опасно.

Они сидели, слегка опьяневшие от старого, семилетней выдержки, вина и от совсем еще юной любви, которой не было и месяца, но им казалось, что любовь была всегда.

Тем временем рабочий день Семена подходил к концу. Оставался только один объект – ресторан «Метрополь». Надо было отследить контакты паршивой «контры» – иностранной журналистки и гражданской жены арестованного писателя, который был обвинен в шпионаже. «Контра» приехала из Германии, чтобы выволить своего сожителя, и встречалась тут со всякими неблагонадежными. Вполне возможно, это заговор.

Сема за руку поздоровался со швейцаром и перекинулся с ним парой слов. Швейцар был из «своих».

– Проходи, – кивнул он. – Пока одиноких баб не было.

Спецстол для таких случаев всегда пустовал. Он стоял у входа, и тот, кто сидел за ним, был незаметен за большой плюшевой гардиной. Семен прошел к столу, заказал нарзан и стал шарить глазами по залу. В центре сидела парочка. Женщина – спиной к нему, но он сразу узнал жену. Мужика тоже вспомнил – морда лохотная, буржуйская, видел их вместе под окнами квартиры.

«Вот же сука! Со мной в рестораны никогда не ходит, стесняется. А с ним – пожалуйста. Видать, большой заказ сделал, деньжищами швыряется. Ничего, ты у меня дошвыряешься.

Надо проследить, как выйдут. Черт, как же пост оставить? Федора расспрошу, что за тип, а если в машину сядут, то пусть номерок срисует».

Семен долго прикидывал, как бы выскользнуть за дверь незамеченным, но те двое были настолько поглощены друг другом, что осторожность была излишней. Швейцар, оказывается, хорошо знал мужчину. Он уважительно заметил, что Михаил Александрович Степанов частенько обедает в «Метрополе» со своим водителем, большая шишка в каком-то министерстве. Спутницу его он видит впервые, да и вообще никогда прежде Степанова с женщинами не замечал. Номер служебной «эмки» он помнил наизусть.

Вернувшись в зал, Семен продолжил наблюдать за влюбленной парочкой. Рука мужчины по-прежнему лежала поверх Настинной, а лицо светилось, как начищенный чайник. Настя смеялась и что-то оживленно говорила. Но вот мужчина поцеловал ей руку, они встали и пошли к выходу. Семен спрятался за гардину.

Номер служебной «эмки» был у него в кармане, оставалось выяснить, где жена-шалава снюхалась с этим скользким субъектом, да и вообще, что этот гусь из себя представляет, адрес, телефон, чем дышит и что скрывает. Из личного и служебного опыта Семена, старшего лейтенанта районного НКВД, выходило, что нет людей, которым нечего скрывать от советской власти. Все перед ней грешны, как перед Господом Богом. Но если у Бога еще можно вымолить прощение, то с властью этот номер не пройдет.

Настя вернулась домой вовремя. Семен вел себя как обычно: поужинал, лег. Жену ни о чем не спрашивал, затаился. Он радовался: завтра же будет знать все о ее хахале – и даже то, чего тот сам о себе не знает. Посадит обоих. Еще не оформилась мысль – как и за что, но было уже предчувствие, сладко-мстительное. Семен ощутил себя всемогущим, карающим, побеждающим и справедливым! Мощь всей страны была за его плечами, и страна была с ним заодно.

Зима началась противными холодными дождями, которые, схватываясь на лету морозцем, лупили наотмашь по лицам прохожих ледяной крупой. Это промозглое, слякотное время Настя не любила. В один из таких дней забрали ее отца. За ним пришли в храм во время службы, а он своим палачам сказал: «Идите с миром! Адрес я знаю, сам приду». И пришел, поскольку совесть его была чиста, а вера крепка, но он не смог доказать свою невиновность. Настю утешало лишь одно – что его сослали, а не расстреляли, значит, есть надежда, что отец вернется.

Вечерами она продолжала листать книгу, которую все еще держала у себя, тщетно пытаясь пробраться сквозь пелену непонятностей. Особенно удивлял тот факт, что нигде – ни в тексте, ни на переплете – нет религиозных символов. Почему нигде нет креста? Как могла книга, которую Марфа в покаянном письме описывает как дар самой Богородицы, быть не духовной? Можно ли предположить, что текст дохристианского происхождения? Но тогда при чем тут Богородица? А если речь идет о России, то должны быть православные символы веры. Все эти вопросы она задавала себе по многу раз и чувствовала свое бессилие. Попробовала работать как дешифровщик, обращая внимание на повторяющиеся в тексте знаки, анализировала внутреннюю структуру слов и фраз, выделяя похожие между собой конструкции, но и на этом пути не продвинулась ни на йоту. Перечитывая вновь и вновь Марфино письмо и разглядывая «царский знак» – соединение букв «М» и «А», – находила любопытным совпадение имен: книга «воскресла» через Михаила и попала в руки Анастасии. Может, действительно, стоит попробовать почитать ее вдвоем с Мишей?

Откладывая книгу в сторону, Настя мечтала о предстоящей встрече и не могла понять, чего в этом ожидании было больше: научного любопытства или желания любви. О том, что измена мужу – грех большой, не хотела думать. Не был Семен ей мужем. Если бы не беда с

отцом, никогда бы за такого не пошла. А какие они муж и жена, если не венчаны? И слава богу, что детей у них нет, хотя все чаще слезы набегают на глаза от невозможности прижать к сердцу родное дитя. Не беременела она, а Семен и не знал, что на ведомственном курорте, куда он возил ее от бесплодия лечиться, старенькая сердобольная докторша сказала: «Милая, от него у тебя детишек-то не случится, бесплодный он, ты уж не первая, кого он сюда привез. Только я тебе ничего не говорила... Думай, как дальше быть». Настя думала только об одном: десять лет пройдут, отца выпустят, перемучаюсь как-нибудь... Спасибо и на том, что дядька Семена, полковник районного НКВД, не передал дело протоиерея Пермского Особому совету, который мог священника к стенке поставить. Был суд, приговор вынесли суровый, но оставили жить. За это она своей жизнью платила. Наложница, рабыня, но не жена.

Михаил был как на иголках, беспокоясь, что поездка на дачу может сорваться. Вдруг Настя передумает, вдруг муж ее не уедет, вдруг его самого пошлют к черту на рога, да мало ли что... Он старался уйти с головой в работу, мотался по стройкам, пытаюсь расшевелить археологов. Но все его доводы, что раскопки подземного хода ответят на многие исторические загадки, натывались на извинительные отговорки:

– Понимаем, батенька, все понимаем, да только и вы нас поймите, нет у нас власти остановить строительство. Кто нам такое позволит? Мы на объекте были, кроме вашего хода подземного ничего более не нашли. Пуст он, абсолютно пуст.

– Но ведь проверить надо, куда ведет, где заканчивается, – кипятился Михаил.

– Вы правы, но время сейчас неподходящее, сами понимаете. Вам тоже не стоит в бутылку лезть. Те, кто стройку начинал, прекрасно знали, что на этом месте мы добивались проведения раскопок, однако было спущено указание – строить новый цех. Вряд ли сейчас и наше, и ваше предложение будет правильно истолковано. Скорее всего, ход зацементируют и сдвинут закладку фундамента немного восточнее. Вот и все.

– Я так этого не оставлю, – напоследок сказал Михаил, чтобы хоть что-то ответить.

Но на самом деле вышло, что этого «так не оставил» археолог: стукнул куда следует, и над головой Михаила стали стучаться тучи, хотя он об этом долгое время не догадывался.

Семен наконец собрался в командировку в далекую Воркуту. Настя долго складывала ему чемодан, а потом спросила, когда ждать обратно. Сема соврал: «Вернусь после Нового года, числа десятого». На самом деле командировка заканчивалась накануне праздника. В неправде этой был свой умысел. Семен выяснил, что Степанов живет в коммунальной квартире, а туда любовниц не водят. Но дачка у мужика имела, и это меняло дело. «На дачке-то ой как хорошо Новый год справлять. Вот там-то я вас и застукаю, голубчиков», – злорадно думал Семен. Месть грела его лучше овчинного полушубка, выданного накануне.

Выпал снег, мазнув побелкой по серым улицам. Город задышал морозной свежестью, напоминавшей Насте запах снятых с веревки пододеяльников, которые мама заносила в комнату зимой. Твердые, ломкие, холодные, они пахли арбузом, огурцом и лишь немного мылом. Хотелось уткнуться в них носом, но детям не разрешалось подходить к белью, чтобы не простыли.

Как только Семен ступил за порог, Настя распахнула окно, устроив сквозняки, и принялась за уборку, чтобы поскорее выветрился тяжелый дух мужа. Из шкафа достала драповое пальто на ватине с лисьим воротником, ненавистное своей тяжестью. Это был подарок Семена, надевать его не хотелось, но в чем ехать на дачу к Михаилу – она не знала. Когда-то у барышни Насти был полушубок из белки, легкий и теплый, он и сейчас есть, но распозался по швам. Надо попробовать зашить, в нем и поехать. Захотелось перерыть весь свой гардероб и найти что-то праздничное, светлое, из прошлой жизни. Вот платье из голубой шерсти

с пуговками-леденцами. Можно его надеть, а рукава, прохуdivшиеся на локтях, подрезать. Она взяла ножницы, иголку с ниткой и села поближе к свету. Узorчатый, как оренбургский платок, иней занавесил окно. Проведя по нему пальчиком, она написала: «Михаил + Анастасия =>», а после знака равенства поставила «царский знак» и приложила горячие губы к стеклу. Струйка холода, как змея, обвилась вокруг сердца.

На Киевском вокзале была предпраздничная толчея. Михаил издали заметил Настю, похожую на перепуганного бельчонка. Она озиралась по сторонам и куталась в пушистый полушубок. Отчаявшись докричаться и боясь потерять ее из виду, он бросился в водоворот толпы. Разнонаправленные людские потоки, имевшие свои приливы и отливы, заставили его, как пловца, погружаться и выныривать. Наконец, настигнув Настю, он вцепился, как утопающий, в ее рукав, который тут же с треском оторвался. Настя охнула, развернулась, чтобы осадить нахала, а увидев Михаила, рассмеялась. Сконфуженный своей неловкостью, он попытался приставить на место оторванный рукав. Но Настя, отмахиваясь и утешая, просто потянулась к нему всем телом и застыла в его объятиях. А вокруг бурлило людское море, обтекая островок любви, так неожиданно возникший в этом водовороте. Чуть в стороне это бурление натывалось на еще одно препятствие – человека в овчинном тулупе, который зорко следил за влюбленной парочкой. Семен пас Настю от самого дома, оставаясь незамеченным. Он был мастер своего дела.

Поезд отходил через пять минут. Симпатичный паровоз уже попыхивал паром. Доехали быстро. Станция Катуар. Они пошли в сторону дачи по нетоптаному мягкому снегу. Михаил снял шарф и обмотал Настю так, чтобы рукав шубки не сползал с плеча. Дача была недалеко, но путь к ней оказался долгим: они то и дело останавливались, лепили снежки, целовались.

Михаил толкнул калитку. Она, скрипя, поддалась и неожиданно легко отворилась. По обе стороны расчищенной дорожки лежали высокие сугробы, а самый большой подпирал елку в глубине двора. Почти идеальной треугольной формы, елка напоминала пирамиду. Опередив Настю, Михаил вбежал на крыльцо и распахнул в галантном поклоне дверь.

В доме было тепло, печка протоплена. Заметив празднично убранный стол, Настя поняла, что Михаил готовился к ее приезду. Прогрел дом, приготовил ужин и только после этого поехал за ней.

– Тебе не холодно? – спросил он, снимая с нее полушубок. – Я сейчас дровишек подброшу в печку, Африку устроим.

– Зачем Африка, там елки не растут, а как Новый год без елки?

– Есть у нас елка, да еще какая! Не хуже кремлевской, видела? Вон, за окном стоит, красавица. Хочешь, нарядим? У меня игрушек целый ящик на чердаке. Вот только успеем ли до темноты, может, завтра?

– Нет, сегодня, непременно сегодня! Тогда год удастся и подарки будут, – всплеснула руками Настя.

– Хорошо, Настёна, можно я тебя сегодня так называть буду?

– Можно Настёной, Настюхой и разными другими ласкательными именами, – кокетливо улыбнулась Настя.

За окном что-то грохнуло. Настя вскрикнула.

– Наверное, у соседей, – отозвался Михаил сверху. В руках его была коробка, полная старинных картонных игрушек. – На базаре по случаю купил, совсем за копейки, – пояснил он.

– Миша, у нас дома такими на Рождество елку украшали! – воскликнула Настя, по одной доставая из коробки игрушки: серебряного ангела с крыльями из настоящих перышек,

собачку с лихо закрученным хвостом, мальчика на санках, трубочиста с ершиком. – Ты меня в детство вернул...

Она закрыла лицо руками, боясь расплакаться. Михаил подошел, обнял, поцеловал в макушку, как маленькую, и спросил, загадала ли она желание. Настя кивнула и тут же вздрогнула – за окном опять что-то грохнуло.

Накинув тулуп и сунув ноги в большущие валенки, Михаил вышел во двор. Высокий фундамент, отделанный наклонной жестяной полосой – по-деревенски завалинка, – заледел от капели. Возле завалинки валялось пустое цинковое ведро. Видимо, кто-то пытался подставить его и заглянуть в окно.

– Вор, что ли, лез? – удивился Михаил. – Эй, есть тут кто? – крикнул на всякий случай, но никто не отозвался, и он поспешил назад к Насте.

Станный какой вор: лез и не долез...

Настя уже стояла на пороге дома в своем «одноруком» полушубке, держа коробку с игрушками. Ей очень хотелось поскорее нарядить елку. Первым она повесила на веточку маленького серебряного ангела с крылышками из перьев. Он крутился на ниточке, отражая свет луны, а повыше на ветках устроились собачка, трубочист с ершиком и мальчик на санках.

– Пусть у меня когда-нибудь будет такой мальчик! – загадала Настя. – И пусть он будет похож на Михаила. Ангел, ангел, исполни мою волю...

– Что ты там нашептываешь, Настёна?

– Ой, я варежку потеряла, – запричитала Настя. – Не знаю где, нет варежки. Вот когда приехали, была, а сейчас нету.

– Девочка моя маленькая! Миллион варежек тебе куплю, сто миллионов. Что хочешь для тебя сделаю. – Михаил кружил ее на руках все быстрее и быстрее, но не удержался, и они оба, покатываясь со смеху, свалились в большой сугроб.

– Вставай, медведь лесной, подымайся. – Она вскочила первая. – Пошли в Африку.

Быстро согревшись в доме, Настя почувствовала, что оттаяло не только тело – оттаяла душа. Вот это и есть ее настоящий дом и ее настоящий муж, а все, что было до того, ошибка, морок, наваждение.

Она разложила еду на тарелки. Михаил выскочил в сени и через пару минут появился в красном халате, при ватной бороде.

– Девочка Настя, поздравляю тебя с Новым годом, – пробасил он, доставая из мешка коробочку духов и плитку шоколада.

– Спасибо, Дедушка Мороз.

Она чмокнула его в обе щеки по очереди, а он снял бороду, крепко обнял Настю и уже не мог остановиться. Подхватил на руки и понес в глубину дома, где было темно и гулко. Ногой толкнул дверь в спальню, бережно опустил на кровать и стал медленно раздевать, целуя каждый открывшийся сантиметр ее тела. Она не сопротивлялась, а даже помогала справиться с крючками и застежками, резинками и пуговками. Теперь она поняла – все, что когда-то делал с ее телом Семен, было не с ней, а с кем-то другим. Здесь, сейчас, в сладостных судорогах и лихорадке любовного озноба, рождалась настоящая женщина.

– Будь моей женой, Настя, – не просительно, а твердо и уверенно сказал Михаил. – Уходи от мужа, если несчастлива с ним. Нам будет хорошо вместе, я знаю.

Настя благодарно прильнула и закрыла его рот ладошкой:

– Не торопи, ладно. На все Божья воля.

Потом они лежали тихо, боясь шелохнуться, ощущая необыкновенную легкость, но жизнь вернулась, заявив о себе зверским голодом. Вылезать из кровати не хотелось, и они просто перетасили в спальню еду. Ели из одной тарелки, запивали шампанским и поздравляли друг друга с наступившим Новым годом.

Настя вдруг выпорхнула из постели и принесла книгу. Завернулась в одеяло, соорудила Вавилон из трех подушек, уселась поудобнее, накинула на голову кружевное покрывало и торжественно произнесла:

– Я, Анастасия, согласна стать женой Михаила по любви и по сердцу – и на веки вечные. Книга, открой нам свою тайну великую.

С этими словами она надела на шею стило и раскрыла книгу.

Ничего ровным счетом не произошло, кроме того, что Михаил поморщился, как от зубной боли. Она удивленно глянула на него:

– Что-то не так? Ты чего скис, передумал жениться? – Попыталась усмехнуться, но усмешка получилась грустной.

Он притянул ее голову к себе, поцеловал и прошептал на ухо:

– Прости, родная, очень хочу, только хочу, чтобы ты стала женой не Михаила, а Николая. Михаил – имя не мое, и фамилия и отчество тоже. Так уж судьбе было угодно пошутить. Вот, наверное, потому книга и молчит.

– Как Николай? Почему? Расскажи.

Он встал, прошел в другую комнату, отворил секретным ключом маленький ящик комода. Вынул оттуда старинную фотографию. На ней были запечатлены его сиятельство граф Игнатий Федорович Граве с супругой и детьми – Николаем и Софией.

* * *

К железнодорожной станции Сема брел долго и всю дорогу крыл жену последними словами. Он замерз, выпил шкалик водки, чтобы согреться, но от этого замерз еще сильнее. Исхитрившись, сумел заглянуть в окно и увидел красиво накрытый стол, шампанское, свечи, но потом поскользнулся и упал. Затем он видел, как эти двое елку наряжали, и варежку жены – вещественное доказательство – унес тоже он. Дважды Сема валился с обледеневшего козырька, и оба раза попадал, как назло, скулой по ведру, которое подставил, чтобы ловчее было залезать. самого важного он не увидел – парочка ушла вон из комнаты, в другую, с закрытым ставнями окном, но он знал, зачем они туда пошли. Хотел ворваться в дом и, застукав в постели, перестрелять всех к чертовой бабушке, но вдруг в окне мелькнула тень, в которой он узнал завернутую в простыню Настю с какой-то книгой в руках. Не успев додумать, зачем им могла понадобиться книга в постели, он заметил, как из комнаты вышел полуголый Михаил. Подойдя к комоду, Настин хахаль выдвинул потайной ящик. «Ясно, там у него заначка, – подумал Семен и понял, что надо делать. – Я вас в лагерях сгною. Накопаю улики, нутром чую, что накопаю. Проще всего тряхнуть дачку под видом ограбления. Что-то найдется, а не найдется – подбросим».

Семен потрогал саднившую скулу. На рукавице остался кровавый след. «Вот же сука! Посажу обоих! Посаж-жу, посаж-жу...» – повторял он, впечатывая в каждый свой шаг это лязгающее жестью слово. А под ногами с яблочным хрустом перекатывался снежок и занимался первый день нового, 1941 года.

Январь для Насти пролетел в одно мгновение. В мыслях она была далеко от затхлой квартиры, от упреков и скандалов. Даже боль в паху и синяки на руках не могли убить в ней воспоминание о счастье, которое она испытала в новогоднюю ночь.

Из Воркуты Семен вернулся раньше срока, злой, подозрительный, с кровоподтеком на скуле. Обматерив с порога, схватил Настю за шею и потащил в кровать. На ее счастье, после удара по лицу она потеряла сознание и пришла в себя только после того, как обнаружила Семена храпящим рядом. Поняла, что изнасилована. Ее словно посадили на кол, боль раз-

рывала изнутри. Она еле добралась до коммунальной ванной, оставляя по ходу кровавую дорожку, а потом свернулась калачиком в кресле и заснула, забыв спрятать книгу.

Наутро очнулась от крика Семена. Он орал, что не потерпит в доме всякой гадости, что сыт по горло макулатурой, от которой в доме ступить некуда. Потребовал объяснений, где взяла книгу и что в ней написано. А еще, гаденько ослабившись, поинтересовался, чем же эта хрень помогает в постели.

Настя так и не поняла, что он имел в виду, но в душе поселилась тревога. Позже созрела мысль: срочно позвонить Михаилу, передать книгу и попросить, чтобы лучше спрятал. Отдавать книгу в музей, не разгадав послание Марфы, не хотелось. Успею, подумала она.

Ночью ей не спалось. Семен опять уехал в командировку, а значит, они с Михаилом завтра встретятся. Ближе к утру, когда за окном дворник заскреб лопатой, возник ничем не объяснимый страх. Он поднимался откуда-то из живота. «Вот почему страх называют животным, – подумалось Насте. – Господи, глупость какая в голову лезет».

Она услышала, как к дому подъехала и остановилась машина. Хлопнула дверца, потом дверь парадного, забухали по ступенькам сапоги. «Три ступеньки вниз. Тут ведь только одна квартира – наша...»

В дверь позвонили. Настя захлопнула книгу, сняла с шеи стило и быстро вложила между страниц. Успела затолкать книгу в шифоньер, поглубже на полку. Накинула шаль: зябко все-таки – январь. В двери стояли двое.

– Гражданка Трепцова? Одевайтесь, пройдемте с нами.

Страх уже не было, он куда-то исчез. Настя давно приучила себя не бояться неизвестности, помня слова отца: «Думай о хорошем, и случится хорошее».

Двое сразу подошли к стеллажу с книгами. Она отметила про себя: «Странно как – никаких чувств относительно происходящего, словно все чувства исчезли, замерзли где-то по дороге». Она была как в коконе, и ее совсем не оскорбляло то, что эти двое, не снимая кожаных перчаток, одним пальцем сбрасывают с полок дорогие ее сердцу книги. Потом они открыли комод и стали рыться в нижнем белье. Потом прошли на кухню, перевернули там банки с крупой, крупа посыпалась со стола, шелестя: пшено, греча... Снова вернулись в комнату. Заметно было, что чекисты устали и делают все без особого рвения.

– Глянь, эта? – один из них вынул из шифоньера книгу, наспех спрятанную Настей.

– Похоже. Там палка какая-то должна быть. Палка есть?

– Точно, вот она. Только на книге инвентарного номера нет. Так музейная она или нет?

– Гражданка Трепцова, вы эту книгу украли из музея?

– Не понимаю, о чем вы говорите. Эта книга моя собственная. Сами же сказали, что на ней нет музейного штампа.

– Ладно, собирайтесь, кому надо, разберутся, что там есть, а чего нет.

Настя достала вещмешок Семена, машинально положила белье, зубную щетку, расческу, полотенце, мыло, теплый платок, носки, тетрадь, карандаш...

– Не положено. – Холодный, будто неживой голос. – Тетрадь и карандаш нельзя.

«Надо же постановление об аресте спросить, что же это я?» – пришла вдруг в голову запоздалая мысль, и, словно прочитав ее, один из мужчин вынул и развернул перед ней бумагу с печатью.

В коридоре толкались, не зная куда себя деть, понятые: дворник Степан и соседка Зинка.

Настю вывели во двор, где уже стоял грузовик с закрытым белым кузовом. «Хлеб», – было написано сбоку, и нарисованы румяные батоны, бублики на шнурке, буханки черного хлеба. Она явственно ощутила запах этого хлеба. Подумала: «Семен вернется из командировки, а меня нет. Вот разозлится!»

Ее посадили в нутро «хлебного» фургона, который был поделен на крохотные металлические отсеки с железными скамейками. Каждый отсек закрывался на дверь. Стало совсем темно. Коленки Насти упирались в дверь, и всякий раз, когда машину подбрасывало на ухабах, она ощущала боль. Все железное, скрипит, лязгает, грохочет... Машина ехала, ехала и ехала. Голоса снаружи доносились слабо. Наконец раздалось:

– Выходите, гражданка Трепцова, руки за спину, проходите вперед.

Распогодилось. Солнце было неяркое зимнее, но глаза слепило после темной утробы фургона. Двор-колодец, маленькие зарешеченные окна вдоль стены, распахнутая широко дверь, глоток свежего, холодного воздуха напоследок, а потом – пара охранников по бокам, тусклая лампочка, темно-зеленые стены коридора с высокими стрельчатыми потолками, запах кирзы, вареной капусты, сырости, казеинового клея и еще чего-то противного, канцелярского.

«Ненавижу капусту, – пронеслась в голове мысль, – ненавижу...»

Рот наполнился слюной, и Настю вырвало. Она оперлась о стену. Голова кружилась.

– Вот же, бя! – выругался один из конвоиров. – Еще не села, а уже гадит!

Он несильно толкнул Настю прикладом в спину, чтобы шла быстрее.

«Села? Странно всё, как странно...» Настя никак не могла уцепиться за реальность.

Ее втокнули в большую комнату, поделенную надвое барьером. Здесь раздевали, стригли, осматривали, записывали в большую книгу: «Имя, фамилия, следующий». Народу было довольно много, кого-то, видимо, привезли вместе с ней. Настю заставили сесть в одном белье на холодный клеенчатый стул. Кто-то прикоснулся сзади к ее голове:

– Ишь ты, коса какая!

– Стриги, Пирогова, все одно завшивеет, не в камере, так на этапе.

Ржавые ножницы скрипели в руках грубой Пироговой, кромсая косу.

«Что же это я? Ведь забрали. В тюрьму сажают. Что же я не волнуюсь, не говорю, что ошибка? Надо ведь что-то говорить...»

Настя огляделась по сторонам, но все вокруг молчали, и те, кого сажали, и те, кто сажал.

Голове стало неожиданно легко: косы нет. Настя провела рукой по неровным остаткам волос, захотелось глянуть в зеркало. Без косы она себя не представляла. Подошла женщина в белом халате, грязном, застиранном, мятая папироса в зубах:

– Иди ложись, ноги в стороны!

Стыдно, больно, противно – на глазах у всех. Холодная оранжевая клеенка, скользкая от чужого пота, слизи, крови. От папиросного дыма опять затошнило, во рту пересохло. Попить бы... Миска, ложка, кружка – все эти предметы швырнули в маленькое окошко.

– Проходи, следующий.

– Вперед! – приказал казенный голос, и они пошли строем – восемь женщин с узелками и чемоданами.

Зарешеченные лестничные пролеты, длинные коридоры.

– Бутырка, – шепнул кто-то.

– Не разговаривать! Стоять! Лицом к стене!

Охранник уже отпирал дверь и ждал, пока все пройдут внутрь. Тут же загремел засов и повернулся ключ в замке. Камера большая, метров двадцать, нары в три ряда. Очень много женщин.

«Который теперь час и что же это со мной? – никак не могла прийти в себя Настя. – Почему я как во сне?»

Она машинально отвечала на вопросы сокамерниц: нет, не знает ничего, просто утром арестовали, и вот... К ней подошла молодая женщина, назвалась Катей, улыбнулась и стала рассказывать свою историю про анекдот в магазине:

– Услышала, повторила на коммунальной кухне, и теперь вот здесь, и не знаю, кто заложил.

Женщины сторонились ее, считая подсадной.

Настя вдруг ощутила усталость, будто силы куда-то разом утекли. Опустилась на табурет. Отвечать говорунье не хотелось, и она, сославшись на дурноту, просто сидела, закрыв глаза. Ей объяснили: ночью руки под одеяло нельзя, спать при свете, оправка дважды в день. Счастье – раковина в камере. Можно пить, можно постирать белье. Передачи разрешены, если принесут. Ей – некому: Семен в командировке, да и побоится.

Как бы Настя ни относилась к мужу, ей и в голову не могло прийти, что именно Семен, а не кто другой, упек ее в тюрьму и начал копать под Степанова, на которого недавно поступил сигнал: какой-то археолог донес, что Степанов добивается пересмотра правительственного решения по строительству цеха для метровагонов.

Для инсценировки ограбления дачи Семен взял в помощники Петьку Сытина. Оделись похуже, забрались ночью в дом и устроили шмон. Петьку Семен отослал на чердак, а сам напрямик направился в комнату, где стоял комод. Ножом попытался открыть секретное отделение под верхним ящиком. Не сразу удалось взломать, пришлось повозиться, и тут же натолкнулся на фотографии. На одной – барская семья: представительные родители – мать в строгом черном платье, с жемчужным ожерельем на шее, отец в сюртуке, с шелковым цилиндром в руке – и двое детей: девочка годовалая в нарядном платьице на руках у матери и мальчик-подросток в матроске. Надпись гласила: «Семья графа Граве на водах». Позади семьи на фото были нарисованные на холсте горы. Стояло клише, украшенное вензелями: «Дом фотографии Самитского». На другой фотографии мальчик-студент, похожий на Степанова, одно лицо. И подпись: «Николай Граве. Город Николаевъ. Фотография Зелинского».

Так вот какой ты матрос Степанов! Да ты, голубчик, вылитый Граве из Николаева! У Семена просто руки зачесались: сдать его с потрохами! Он быстро убрал фотографии за пазуху. Надо будет выяснить, что там в архиве есть по этим Граве.

Ушли они с Петькой быстро, перевернув весь дом, чтобы было понятно – на даче побывали домушники.

Сделав запрос в архив НКВД, он быстро получил сведения о проживавших в Николаеве до революции дворянах Граве. Семейство было зажиточное, и наверняка многое успели вывезти, но у сына должно же что-то остаться. «А как хитер – под матроса заделался. Вот контра!» – злорадствовал Семен, переписывая собственноручно данные из большой книги на листок в клетку. Он знал, что сегодня ночью Настю заберут, а завтра утром он доложит начальству по Степанову, и того, как миленького, упекут за ней вслед.

Семен обычно уходил с работы часов в семь, правда, иногда рабочий день старшего лейтенанта Трепцова, помощника секретаря первого спецотдела районного НКВД, заканчивался далеко за полночь. Сегодня после работы его вызвал к себе начальник отдела полковник Савенко. Ровно в восемь, как было назначено, Семен караулил возле заветной двери, чтобы по первому же требованию войти и доложить. Но вызова все не было. На часах минуло девять. Потом половина десятого. В десять он подошел к секретарше и спросил, здесь ли начальник. Тот был на месте. В одиннадцать клевавшего носом Трепцова пригласили наконец на ковер:

– Проходи, садись, племянничек!

Если полковник начинал запанибрата, ничего доброго это не сулило.

– Ты чего там, Сёма, напортачил? Что за кража из музея? Я сегодня у начальника управления краснел и бледнел! Ты бы хоть удосужился факты проверить! Зацепиться не за что! Курам на смех: жена украла из музея НИЧЕГО! Ничего, слышишь, из музея она не украла!

Они срочную инвентаризацию книг провели в экстренном порядке: всё по описи и всё на местах, а главный сегодня это дело из папки вытащил и на проверку! – Начальник перешел на зловещий шепот: – В общем, Сёма, завтра рано утром ты идешь в музей и находишь факты. Все об этой книге: когда и кто принес, почему не зарегистрировали сразу. Ценность ее, ну там, век какой, и заключение с подписью директора музея, не меньше. – Он подвинул Семену старую книгу в кожаном переплете. – Ты меня хорошо понял, племянник хренов?!

Сема понял. Другого бы на его месте уже арестовали, другой бы на его месте уже ехал на Колыму, а все из-за нее, из-за жены. Гадина! Кабы не связалась с этим своим, то и черт с ней. Но за живое взяло: мужик видный и чин большой, бац, Настьку под ручку и на дачку! Еще верующая называется. Дочка поповская, а такая же блядь, как все! Ничего, я их обоих на чистую воду выведу. В кармане уже лежали справочка по дворянам Граве и фотография их сына Николая, но он решил, что торопиться не надо. Утром сходит в музей, уладит с книгой дело, а потом по всей форме доложит о враге народа, который столько лет скрывал свое истинное лицо пособника мирового империализма. Он только сказал на прощание полковнику, догадываясь о том, чья книга:

– Есть подозрения, что мужик, который эту книгу в музей принес, совсем не тот, за кого себя выдает.

– Иди ты со своими подозрениями, знаешь куда! Мне факты нужны! – рассвирепел Савенко.

– Будут факты, обещаю.

Утром следующего дня Семен пришел в музей. В его портфеле лежала чертова книга, а в боковом кармане шинели – две фотографии семейства Граве. Он решил убить двух зайцев в один день. Сразу после музея, где наверняка найдутся свидетели того, что гражданка Трепцова присвоила ценный экспонат, он пойдет к Савенко и выложит перед ним неопровержимое доказательство того, что Степанов из Наркомстроя – классовый враг.

Портфель оттягивал руку: книга оказалась тяжелой. Если бы спросили, сколько она весит, ответил бы: пуд, не меньше.

Семен подошел к служебному входу. Как положено, на страже исторических ценностей сидел дед в валенках. Но отчего-то бегали сверху вниз женщины в синих халатах и здорово пахло гарью. Вахтер поймал его за полу шинели:

– Слушай, мил человек. Подмогни, а? Похоже, горим, а у нас одни бабы. Я тут на посту, уйти не могу, как назло, ни одного мужика.

Семен живо предъявил удостоверение. Дед вытянулся во фрунт.

– Где тут у вас директор музея?

– Ты прости, милай, пожар у нас. Какой сейчас директор?

– Я по государственной важности делу сюда пришел. Я вам не пожарный.

– Дык, вызвал я этих пожарных, сейчас будут, но ведь горит! Добро государственное горит!

Дед метался от стола к лестнице.

– Мне нужно получить заключение специалиста по поводу исторической ценности книги, – сказал Семен и удивился сам себе: «Что это я вахтеру докладываю?», но в это время откуда-то сверху действительно повалил дым и кто-то закричал истошным голосом.

– Да черт с ней, с книгой этой, там люди сгореть могут, слышишь! Оставь ее тут, я покараулю, ничего с ней не случится. Ведь музей горит!

Семен, вынуженный было книгу из портфеля, затолкал ее обратно.

– Где горит? – спросил он деда, и тот поднял палец к потолку.

По коридору, что-то крича, бежала крепкая тетка в синих нарукавниках. Заметив Семена, она судорожно схватила его под локоть и потащила за собой на второй этаж. Сопровожаться Сема не стал – общая паника захватила и его.

– Там, в кабинете Анастасии Николаевны, горит, – задыхаясь на бегу, скороговоркой выпалила она. – Туда со вчерашнего никто не входил, дверь опечатали, и вдруг загорелось, ужас! Открыли, а оно как полыхнет! Помогите!

Огонь буйствовал, подбираясь к самому потолку по высоким стеллажам. Языки пламени лизали потолок и деревянные балки перекрытий.

«Старое здание, балки сухие, сгорит все в один миг, – подумал Семен. – И чего это вдруг именно в Настином кабинете загорелось? Ее же арестовали, значит, поджег кто-то из своих. Сейчас все сгорит дотла, а мне еще и попадет до кучи, мол, сговор с арестованной, следы заметал. Припаяют групповой заговор или “в особо крупном размере”. Почему оказался в ее кабинете во время пожара, разбираться не станут. Был – значит, виноват. Может, какие вещественные доказательства сжег? От же, стерва! Опять меня под монастырь подвела. Срочно нужно что-то делать...»

Скинув шинель, он начал неумело ею размахивать, только еще больше пламя раздуло. Про фотографии Степанова он забыл, не до того было. Огонь разгорелся серьезный, и Семен, не соображая толком, что делает, даже не заметил, как подломились нижние опоры большого стеллажа. Вся масса книг рухнула на него сверху, и он, упав, оказался погребенным под их тяжестью.

Дым окутывал музей все сильнее.

– Ох, ведь сгорит всё! – не выдержал старый вахтер, оставил свой пост и тоже бросился наверх.

К приезду пожарных полыхало вовсю. Женщины старались сбить пламя, пустив в ход огнетушители и песок, но это мало помогало. Самое удивительное, что огонь не перекинулся на соседние помещения.

Когда наконец пожар был потушен, на полу обнаружили гору обуглившихся книг, под которыми лежал обгоревший мужской труп. Больше никто не пострадал, однако всех музейных работников попросили выйти, и они кучкой стояли у здания, обсуждая происшествие.

Просидев на скамейке больше часа в ожидании Насти, Михаил разволновался. Накануне она позвонила и попросила о срочной встрече, сказала, что хочет передать ему книгу на хранение. Он посмотрел на часы – дальше ждать не было смысла – и решил зайти к ней на работу, узнать что и как. Подходя к музею, он почувствовал запах гари. На улице стояли перепуганные сотрудницы музея. Многие были без верхней одежды, замерзли, но их не пускали внутрь, на рабочие места.

Михаил поискал глазами Настю, но не нашел и, предчувствуя неладное, обратился к одной из женщин. Чтобы согреться, она подпрыгивала на месте и куталась в платок. Показалось, что это ее он видел в Настином кабинете, когда впервые пришел в музей. На женщине были те самые синие нарукавники, которые запомнились лучше, чем ее лицо.

– Извините, а что случилось? Похоже, пожар?

– Да, пожар. Слава богу, потушили. Нас пожарные выгнали, говорят, только один кабинет сгорел и человек в нем какой-то, но не наш сотрудник. У нас сегодня мужчин на смене не было...

– Понятно. А вы, случайно, Анастасию Николаевну Трепцову не видели? С ней все в порядке?

Женщина внимательно посмотрела на Степанова и, отвернувшись, сквозь зубы процедила:

– У Трепцовой вчера в кабинете обыск был. Говорят, арестовали. Кабинет с вечера опечатали, и вдруг сегодня там пожар начался. Как такое могло случиться?

Женщина смотрела на него вопросительно и недобро. Кто-то крикнул, что можно запускать людей. Работники музея гуськом потянулись в здание, а Михаил стоял как гро-

мом пораженный. В голове стучало: «Арестовали! За что? Кто посмел!» Постояв недолго, он также вошел в здание – хотел найти вахтера и попробовать его разговорить. Пожарный, дежуривший на входе, не препятствовал.

Вахтера на месте не оказалось. На его столе, возле черного телефонного аппарата, стоял портфель. Михаил не обратил на него внимания, но, пробегая мимо, услышал сзади грохот: портфель упал, и из него вывалилась книга – их с Анастасией книга! В голове как молния промелькнула: «Откуда она тут? Ведь еще вчера Настя звонила, хотела отдать ему. А может, это она ее принесла? Нет, бред! Говорила, что, пока не разгадает загадку, в музей книгу не сдаст. Скорее всего, кто-то донес, а теперь в музей притащил как доказательство».

Оглянувшись по сторонам, Михаил затолкал книгу в портфель, быстро схватил его и устремился на улицу, почти в тот самый момент, когда в конце коридора показалась фигура вахтера, спешившего на пост. На улице ему хотелось побежать, но это могло вызвать подозрения, и он сдержал себя. Все мысли были только об одном: как помочь Насте? Но вдруг мелькнула еще одна мысль, и он замер как вкопанный: «А с чего это вдруг портфель упал? Стоял себе и стоял... Может, сквозняком от входной двери сдуло? Да нет, ерунда, портфель слишком тяжелый. Мало того что портфель упал, книга выпала из него прямо под ноги... Хотела, чтобы я ее заметил? Господи, чего только в голову не придет...»

В тот же день он попытался дозвониться своему другу из аппарата ЦК ВКП (б). Через него можно было выйти на следователей и хоть что-то разузнать. Но друга на месте не оказалось, а секретарь сообщила, что вернется товарищ Чиргунов не раньше чем через месяц.

Дойдя до дома, Михаил заглянул в почтовый ящик в надежде найти там весточку от Насти – глупо, конечно, но вдруг она успела отправить, вдруг кого-то попросила? – но вместо этого обнаружил повестку в районное отделение НКВД. Там был указан телефон следователя, который его вызывал, и стояла дата – девять утра следующего дня. Михаил позвонил по указанному телефону, чтобы сказать: на завтра у него была запланирована важная министерская летучка.

– Летучку отменяйте, – ответил следователь. – Мы будем с вами работать весь день.

Повестка его не напугала – все мысли по-прежнему крутились вокруг Насти. Кроме книги, в которую было вложено стило, в портфеле ничего не оказалось, а значит, его владельца теперь не найдешь.

Вечером он вышел на кухню, чтобы вскипятить воды, и разговорился с дедом Егором.

– Они тебя не посодют, – сказал дед Егор, узнав о повестке. – Ты им во как нужен! – И он провел ребром ладони по горлу.

Дед подтащил две табуретки к своему столу, достал шкалик, скovyрнул крышку и разлил водку в два граненых стакана:

– Давай, Михайла, на посошок. Ты думаешь, дед Егор не сидел? А как же! Сейчас, поди, каждый второй сидел... – дед задумался на минуту, – или сидит. Было, значит, так: пронюхали, что батянка мой сапоги самому царю шил, да не простые – с секретом, а я с малолетства при нем ходил в подмастерьях. Когда мне лет десять было, мог уже любые сапоги скроить. Батянка-то мой в Гражданскую сгинул, а я, взрослый уже, его дело не похоронил. В сапожной мастерской работал, а мастерская наша считалась ведымствена. Тьфу, черт, слово не выговорить... Короче, для кремлевских начальников работали. Вызывают меня как-то мерки снимать, сажают в закрытую машину, чтоб не видел, куда едем, а когда приехали, подводят к стене, а в ней дыра и через нее одна нога просунута. Маленькая нога, но, понятное дело, мужская, значит. Ну, я мерки-то снял, а после меня на ковер. И приказали, чтоб никому ничего не говорил, а сапоги чтоб пошил такие, как батянка делал, – в них каблук вроде снаружи, как обычно, но внутри еще один спрятан. Хозяину тех сапог сразу росту прибавляет. Догадался я тогда, чья нога-то была. Сапоги пошил, но по пьяни трепанул, что, мол, вождь у нас хоть и велик по всем статьям, да вот росточком не вышел. Так на следующий день

меня под микитки и в эти, как их, органы, ага... Уж пужали, пужали, да не испужали. День посидел, второй, а на третий отпустили. Потому как некому стало вождю сапоги с секретом шить, ага... Правда, говорят, он и сам в сапожном деле разбирается. Может, поэтому и смог оценить работу... И тебя, Мишка, отпустят, потому что ты им сейчас позарез нужен. Давай мы с тобой выпьем за работу, которая нас завсегда спасает.

Утром старуха Прокофьева сунула Михаилу в карман пальто бутерброд «на дорожку»:

– Эти ж изверги будут мытарить целый день без еды и не покормят. – Она прослезилась и, как всегда, перекрестила в спину.

Дежурный на проходной долго разглядывал его паспорт.

– Ждите, – сказал наконец, – за вами придут.

Минут через пятнадцать подошел штатский «с глазами по стойке “смирно,»» – так называл про себя всех служащих этой конторы Михаил.

– Пройдемте, там автомобиль, – последовала короткая команда.

Ехали недолго. Михаил понял: Бутырка. Въехали за двойные ворота, дважды проверили документы. Еще одна проходная у входа в здание, потом – коридоры, решетки, металлические тяжелые двери. Их открывали перед ним и тут же с лязгом захлопывали за спиной. Следователь завел Михаила в большую комнату, освещаемую одной тусклой лампочкой, и вышел; за ним лязгнул замок. Михаил осмотрелся: стены окрашены в темно-зеленый цвет, скамьи по периметру, наглухо прикрепленные к полу, окон нет, большой глазок в двери. Он взглянул на часы – десять утра. Нашупал в кармане бутерброд, мысленно поблагодарил соседку и съел половину. Выбрал угол, который, как ему казалось, не просматривается через глазок, и лег на лавку. Подумал: почему я здесь? Настя дала показания? Нет, это исключено. Это что-то другое. Незаметно задремал. Во сне ему показалось, что он падает в пропасть. Вздрыгнул, проснулся – и сразу вспомнил, где находится. Часы показывали половину второго. Кто-то открывал дверь. Зашел следователь – вежливый, коротко стриженный, в форме.

– Михаил Александрович, у меня сегодня было много работы. Время сейчас обеденное, давайте пойдем в нашу столовую. Здесь готовят совсем по-домашнему.

Идея пообедать в Бутырке показалась Михаилу «неаппетитной».

– Я, знаете ли, не голоден.

– Ну, тогда будем работать.

Они прошли в небольшую комнату с письменным столом. Возле него стоял стул, а посреди комнаты – табурет. Следователь кивнул на табурет:

– Присаживайтесь, гражданин Степанов. Что вам известно об инциденте с экскаватором на строительстве цеха для метровагонов в селе Тайнинское? Почему экскаватор провалился под землю? Кто виноват в аварии, вы знаете?

– Ну, в общем, насколько я могу судить, никто не виноват. Разве мог кто-то предположить, что под землей существует подземный ход?

– Когда вы об этом узнали, почему так жестко потребовали остановить строительство нового цеха?

– Поймите, это история нашей страны.

– Ну, допустим, история НАШЕЙ страны началась с Октябрьской революции. А все, что было до нее, это история царской России. Это не наша история.

Михаил ошарашенно посмотрел на собеседника.

– Вам что, в университете про это не говорили? Кстати, какой вы заканчивали, в каком году? А что до того делали?

Следователь сыпал вопросами, как горохом из мешка, но Михаил, сохраняя терпение, обстоятельно отвечал. И вдруг:

– Вы, Михаил Александрович, сейчас здорово удивитесь. Совершенно случайно у нас тут оказалась ваша родственница.

Сердце ухнуло вниз, в глазах потемнело. Какая родственница?

В кабинет ввели худую, высокую женщину в черном платье. Прямо с порога, не глядя на Михаила, она затараторила:

– Братик мой, Мишенька, сразу после революции пропал, искала его. Он старшой был, в матросы на Балтфлот пошел. Мы сами костромские будем, пропал братик мой...

Следователь остановил ее слезливый поток и попросил взглянуть на Михаила. Женщина осеклась, замолчала и долго всматривалась:

– Нет, гражданин следователь, это не он. Наш покрасивше, не такой носатый. И чуб у него кудрявый был, светленький, и глазки серые, а этот больно чернявый.

– Так, значит, не он, гражданка Степанова? А год рождения, имя, отчество и фамилия совпадают, так?

– Да пусть и так, но не похож.

Он снял трубку:

– Уведите!

Женщину вывели из кабинета.

– И как вы это объясните, Михаил Александрович?

– Обычное совпадение.

– Допустим. Но ваша биография полна неясностей. Матрос Михайло Степанов был полуграмотен, а вы после службы на Балтфлоте закончили бригадным методом институт.

– На то он и бригадный метод – за нас умники сдавали экзамены. Один умник за десяток студентов.

– Насколько я знаю, экзамены за десятерых на механико-математическом факультете сдавали именно вы. И вся ваша головокружительная карьера как-то не вяжется с полуграмотным прошлым матроса Степанова.

– Ну, ведь вы сами только что получили подтверждение, что Степановых Михайлов Александровичей было по меньшей мере два. И к тому, костромскому, я отношения не имею.

– Тогда изложите, пожалуйста, вашу настоящую биографию.

Следователь протянул листок бумаги, карандаш. Дверь, как капкан, защелкнулась, и Михаил понял, что попался. Писать придуманную биографию было бессмысленно – начнут проверять; а если изложить правду, то это значит подписать себе приговор. Он гнал от себя мысль о том, что из Насти выбили показания, что это она открыла его настоящие имя и фамилию.

В одиннадцать часов вечера охранник открыл дверь. Михаил приготовился к худшему, но неожиданно тот отдал ему пропуск с печатью и подписью и проводил до выхода, ничего не объяснив и ничего не потребовав. В полном недоумении Михаил добрался до дома на Новослободской, благо для этого пришлось всего лишь перейти через дорогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.